

18+

Дарья Гущина-Валикова

Ничего, кроме личного

Роман

Дарья Гущина-Валикова

Ничего, кроме личного. Роман

«Издательские решения»

Гущина-Валикова Д.

Ничего, кроме личного. Роман / Д. Гущина-Валикова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557560-9

Шестеро персонажей из середины нулевых годов обладают весьма различным статусом, окружением и образом жизни — от преуспевающего нового русского до приезжих молодых людей, пытающихся укорениться в Москве. Тем не менее, все они оказываются так или иначе связанными между собой, попадая на «орбиту» главной героини, к которой сходятся все сюжетные нити. К чему, в конечном итоге, могут привести их непростые взаимоотношения, читатель способен додумать сам — финал романа остаётся открытым.

ISBN 978-5-00-557560-9

© Гущина-Валикова Д.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ничего, кроме личного Роман

Дарья Гущина-Валикова

© Дарья Гущина-Валикова, 2023

ISBN 978-5-0055-7560-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Что касается меня —
То я опять гляжу на Вас,
А Вы смотрите на него,
А он глядит в пространство...*
Б. Окуджава

Часть I

В последний день года он пробудился поздно, аж в первом часу. Лёг накануне где-то в четыре; стало быть, подсчитал вяло, – восемь часов сна, совсем не хило. Отчего ж тогда голова-то плохая? И отнюдь не с похмелья: наоборот, накануне закончил-таки перевод этой бесконечной рекламной хрени, вчерне. Вчера – вчерне... А потом почти до утра доводил до ума. Одна, короче, тупая работа, никаких возлияний.

Натянув одежду, спустился вниз. Умываться и бриться приходилось прямо тут, на кухне, – в душевом, с туалетом, закутке даже раковины не было. Здесь же, с одной стороны мойки, приколочена сушилка с тарелками, с другой – полочка с зубной щёткой, бритвой и прочими причиндалами. Зеркальце сверху – маленькое, неудобное. Сколько ж ещё сил и денег надо вбухивать в эту хибару!..

Сварив кофею, выбрался на выстуженную терраску за остатками сыра (обзавестись холодильником тоже лишь предстоит). После кофе и бутерброда принял таблетку анальгина и поднялся наверх, к компьютеру.

Накануне Нового года в мире затишье – серьёзных новостей ноль. В почте тоже ничего, даже спама – никто уже не работает в предвкушении великой пьянки. Подумав: хорошо же им, предвкушающим, открыл вчерашнюю статью и начал окончательную правку. С перекурами это заняло достаточно много времени; так что, когда закончил и отправил по адресу (ну, всё, с делами этого года покончено, никаких хвостов на следующий, ура!) – за окнами уже мягко сгустились сумерки.

Снова спустился вниз, сварганил яичницу из последних оставшихся яиц; заодно с нею сжевал и последнюю горбушку. Заваривая кофе, задумался – чем заняться? С друзьями в этот раз они собирались встретиться на Рождество или, может быть, на Старый Новый год, ещё не решили, а вот Новогоднюю эту ночь впервые предстояло провести здесь и в одиночестве. В прокуренном и неубранном доме, без ёлочки и даже без бухла – шампанское, купленное по случаю и воткнутое в сугроб под окном, он, разумеется, один пить не станет, лучше к ребятам его потом прихватит.

Нет, это не дело!.. Он допил кофе и заставил себя прибраться: перемыл посуду, отчистил мойку, подмёл на кухне пол и собрал весь мусор в чёрный мешок. Наверху распахнул все имеющиеся форточки, вытер влажными салфетками комп, поверхность стола, подоконник. Больше никакой мебели тут, под крышей, не было вообще; спал он на матрасе, одежда – частично на плечиках по гвоздям, вбитым в стену, частично – в коробках и сумках. В проходной же комнатухе-предбаннике, откуда шла лестница вниз, теснились горы неразобранных книг. Так что больше по части уборки делать тут особо нечего.

Затем принялся подсчитывать имеющуюся наличность. Увы – денег совсем в обрез. Некоторая сумма вроде бы должна прийти в начале года, а пока... На первые несколько дней надо ухитриться закупить и сигарет, и какой-нибудь простой провизии, и ещё на мобильник хотя бы сотню кинуть. И пивка бы банку, что ли, а то совсем тоска-тоска!..

Ладно, сейчас он оденется, выберется в магазин, потом проводит суматошный год пиццей или, ещё лучше, пельмешками, посмотрит какой-нибудь хороший фильм, да и завалится спать. А завтра – завтра свобода и покой, можно будет хоть весь день с книгой проваляться, никуда не вылезая. А то и над тетрадью посидеть, был бы настрой...

На улице слегка покусывал щёки лёгкий, пожалуй, даже приятный морозец. Снежинки игриво роились вокруг фонарей, будто поднимаясь к свету снизу вверх, а не наоборот – такое создававшееся впечатление всегда его удивляло. Он зашёл выкинуть мусор в закуток с заиндевевшими помойными ящиками и, миновав часть переулка, оказался на длинной улице, пересекавшей посёлок насквозь, от железной дороги до трассы. Там, у трассы, была автобусная оста-

новка, несколько магазинчиков и кафешка быстрого питания; однако, ходу туда было минут пятнадцать, а до железки («линии», как её именовали местные) – семь или пять, если бодрым шагом. Он отправился именно туда, к одинокому пристанционному магазину.

Праздник в посёлке был ощутим повсюду, окна светились почти в каждом доме, у многих калиток притулились машины: москвичи, стало быть, съехались на опустевшие дачи или к своим одиноко зимующим старикам... Приблизившись к магазинчику с ярко освещённым крыльцом, он уверенно дёрнул на себя пластмассовую ручку... Что за дела? Неужели закрыто? Чёрт, ведь и семи ещё нет!.. Ну да, обычно они работают до девяти, вроде, – однако сегодня большой праздник, а тут вам не столица, и продавщица, небось, уже вовсю строгаёт дома оливье и знать ничего не хочет...

Подошла и остановилась электричка. Человек двадцать вышли из вагонов; пара-тройка из них направились в глубь посёлка, остальные – к переезду, дабы попасть на противоположную сторону. На той стороне был микрорайон соседнего городского образования, с обычными теснящимися многоэтажками. Там имелся целый новейший супермаркет, уж он-то явно будет работать почти до ночи, невзирая ни на что. Ужасно не хотелось туда тащиться, но что поделать? И он тоскливо зашагал вслед за теми припозднившимися горожанами.

Этот маркет, действительно работавший, удивил многолюдем. Сколько ж, однако, народу ещё не закупились за несколько часов до курантов! Многие полки при этом были уже разорены почти до основания, и никаких служащих в форменной одежде, поставляющих новый товар (как их, мерчендайзеры, что ли?), не наблюдалось. Зато повсюду торчали искусственные ёлочки в бантах и шарах, а из динамиков позванивал надоедливый «джингл-бендз». Он побродил по незнакомым отделам, иногда протискиваясь через толпу, что-то нашёл и покидал в свою корзину, складывая в уме цены, которые здесь были заметно выше. Пошёл к кассам. Ничего себе, однако, очереди!..

Покорно пристроившись в хвосте одной из них, он рассеянно порассматривал рекламные ролики на мониторах, потом – очередную ёлку, а потом, от нечего делать, упёрся взглядом в соседку по очереди, следом за которой стоял. Она была не одна, а с ребёнком – тоненькая девушка с мальчишкой лет полутора или около (он не очень-то разбирался в возрасте детей). Тот сидел в тележке среди покупок и хныкал (как я тебя понимаю, малыш!). Девушка с задёрнутым и несчастным видом пыталась его успокоить, расстёгивала ему на горловине довольно красивый, белый с лиловым принтом, комбинезон, откидывала капюшон... Но упарившееся дитя не унималось. Девушка уныло повторяла: «Ну, тихо, Терёш, ну немножко осталось!» – хотя маяться предстояло ещё долго. Непохоже как-то, что она мать ребёнка; скорее, старшая сестра или, может, – юная тётка?

Ребёнок, отворачивая от неё страдальчески искажившееся личико, совершенно случайно встретился с ним взглядом. Он машинально подмигнул – и мальчишка вдруг затих, с любопытством воззрившись на незнакомого дядьку. А потом и вовсе улыбнулся в ответ. Глазёнки у него были крошечными, как бусинки, и при этом пронзительно-синего цвета – прямо сапфирчики.

Девушка полуобернулась узнать, что вызвало такую реакцию дитяти, и тут же отвернулась снова. Он успел заметить, что она очень хорошенькая и очень бледная, просто прозрачная. Успокоившийся малыш отвлёкся на разглядывание ближайшего стеллажа с его блестящими жвачками-шоколадками, к которому придвинулись. А он сам, не имевший привычки разглядывать чужие покупки, от скуки занялся именно этим. В тележке соседки, помимо ребёнка, помещались: большая бутылка с водой без газа, гроздь бананов, какие-то баночки с детским питанием; затем упаковка с наполнителем для кошачьего туалета, коробочка кошачьего корма и пакет с кормом собачьим. Всё, стало быть, для других: для дитяти (если посчитать, что вода и фрукты – тоже ему) и домашних животных; а что ж тогда себе? Или ты – домработница? Нет, для домработницы слишком юная и какая-то хилая. А для няньки – какая-то неумелая, неуверенная...

Девушка, словно подслушав его мысли насчёт покупок, как-то вдруг заозиралась, в растерянности поглядывая то на свою тележку, то в сторону торгового зала. О чём-то, видать, вдруг вспомнила!..

– Девушка, – произнёс он неожиданно для самого себя, – если вам отойти надо, то – пожалуйста...

Та поглядела на него едва ли не с ужасом: чтоб я оставила тут всё... и, главное, ребёнка – неизвестно на кого?!

Но вдруг подала голос тётка, которая стояла впереди неё и, оказывается, всё видела и слышала:

– Да, конечно, идите, девушка! А мы присмотрим, не волнуйтесь. Всё успеете – вон как медленно тащимся...

– Спасибо, – тихо пробормотала та и метнулась куда-то в глубину зала, а тётка принялась ворковать с малышом.

Девчонка прибежала назад, когда они значительно придвинулись к кассе. Бросила в тележку трофеи – кажется, биойогурты и пачку ржанных хлебцев (ну и ну; если ты всегда этим питаешься, то неудивительно, что так отошала!), торопливо наклонилась к своему сокровищу. Сокровище снова закапризничало, а когда она, наконец, принялась расплачиваться на кассе, вытолкнув тележку из узкого прохода – разревелось в голос. Кассирша уже автоматически кидала его продукты туда же, откуда девушка не успела ещё забрать свои – поскольку ей пришлось взять ребёнка на руки.

– Давайте, помогу, – вынужден был сказать он. После чего сложил в свою корзину и её поклажу тоже, а не поместившуюся бутылку прихватил под мышку.

Они пробрались через людской водоворот пополам с брошенными пустыми тележками, растерянно катающимися тут и там, к столам, где перекаладывают покупки (девушка с хнычущим мальчишкой шагала за ним зачарованно, как сомнамбула). Он нашёл там свободный уголок, где разложил её и свои покупки по разным казённым пакетам. Её два пакета оказались куда весомей его единственного...

– Спасибо вам, – сказала девушка и жалобно добавила, кивнув куда-то в сторону запруженного людьми выхода: – У меня там коляска где-то осталась, с ней в зал не пустили...

– Ну, идите, ищите, – посоветовал он и кивнул на её тяжкие пакеты: – а я вас с этим тут пока подожду. И, знаете что, давайте-ка лучше и его вот сюда пока посадим. Он меня не испугается?..

Девушка снова поглядела с ужасом, тесно прижав к себе мелкого, который снова заревел в голос.

– Девушка, я – ну, честное пионерское! – не маньяк-похититель, – сказал он, забирая у неё ребёнка. И тот снова сразу умолк, прильнув к нему вполне доверчиво.

Девушка с видом «Что же я делаю?!» пробормотала: «Я сейчас!» и поспешила на свои поиски. Вернулась, к счастью, быстро, катя коляску, в каких возят детей где-то от года и выше. С явным облегчением обнаружила, что все и всё на месте, и даже робко улыбнулась.

– Похоже, он пригрелся. Как его зовут-то, я не расслышал?

– Терентий.

– Надо же, Терентий! Ну, и меня не хуже – Ксаверий. Хотя все обычно Саввой называют. А вас как?..

– Юлия. Ой, да он у вас заснул, кажется!..

– И хорошо, пускай себе. Только тогда – услуга за услугу: у меня вот в этом кармане сотня должна лежать. Выньте, пожалуйста, и заплатите мне за мобильник, я вам номер продиктую.

Савва кивнул на стоявший невдалеке автомат и повернулся к ней левым боком, продолжая держать ребёнка двумя руками. Девушка неуверенно выудила из кармана его куртки купюру и покорно пошла к автомату, он – следом.

Там она выказала свою неумелость – впрочем, это объяснилось тем, что сама, оказываясь, пока привыкла оплачивать телефон в кассе отделения Евросети – не всех их, получается, ещё позакрывали. Он терпеливо диктовал и подсказывал, на какие кнопки нажимать. Завершив, наконец, оплату, девчонка вложила ему чек в тот же самый карман. Потом, не выпуская его из поля зрения, загрузила все пакеты в коляску; привстав на цыпочки, поправила мелкому капюшон. Тогда они, наконец, двинулись к выходу – прямо семейная идиллия со стороны!

Позади остался проклятый ангар, шумный, яркий, бестолковый; впереди – тьма, разреженная фонарями, тишина, редко проезжающие машины. И непрекращающийся снежок.

– Вам куда, Юлия? – осведомился он, предполагая ссадить дитя на коляску, предварительно получив свой пакет, потом поздравить с Наступающим и распрощаться. Он был уверен, что они откуда-то из близлежащих домов.

– Нам... на ту сторону.

– За линию? В посёлок? Надо же, и мне туда!

Девушка бросила на него недоверчивый взгляд, снова заметно замкнувшись.

– Мне в Добролюбовский переулок. Я там живу теперь, с осени. А вы?

– На Полежаева, – не сразу вымолвила та.

– По-моему, это рядом где-то. С Серафимовича свернуть, да? Кстати, вы не знаете, почему все улицы сплошь писательские имена носят? Если не считать Ленина с Энгельсом, и ещё эту... Старых большевиков?

– Точно не знаю. Там, кажется, раньше писатели отдыхать любили...

– Но вряд ли Добролюбов с Полежаевым, – усмехнулся он.

Девушка обиженно сказала:

– Вы уже устали его нести, давайте пересадим...

– Пока ещё ничего. Как устану, скажу.

Они подошли к железной дороге. Опять со свистом пронеслась электричка, на этот раз не останавливаясь, мгновенно прошив чёрно-фиолетовое пространство золотой, чередующимися стежками, нитью.

Миновав переезд, двинулись по безлюдной – народ-то уже, поди, за столы уселся – Серафимовичевской...

– А вы, наверное, там... комнату снимаете? – робко поинтересовалась девушка.

– Да нет, приобрёл недавно в собственность. Часть дома. А вы?

– Я? Я тут... типа, квартирантка.

– А малыш-то, поди, хозяйский?

– Да.

– Чего ж вас вместе с ним в магазин-то погнали так поздно?

Девушка промолчала. Через несколько минут, когда слева нарисовался поворот на Полежаевскую, торопливо сказала:

– Ну, нам сюда...

– Так давайте уж до калитки!..

Она опять бросила испуганный взгляд, но потом наклонила голову и зашагала вперёд с видом: а, будь что будет!..

Дорогу к ним уже сильно замело, но дом оказался близко, в двух шагах от поворота; он даже узнал его в свете фонаря, поскольку однажды, прогуливаясь, ещё обратил внимание: классная, насколько можно рассмотреть из-за крепкого забора, дача, настоящая, подмосковная, старая, с башней-ротондой, белыми наличниками – и выглядит при этом совсем не дряхло, а довольно крепко, основательно и внушительно... Но почему же всё как вымерло, окна темны?

– Так вы одни, что ли, в Новый год остались? – догадался он. – Надо же, а мне казалось – только я тут на весь посёлок пребуду в одиночестве!..

Девушка, отперев калитку, озабоченно спросила:

– Он так и спит, да?

– Похоже, беспробудно.

Савва видел, что отпираться входную дверь со спящим на руках, а потом ещё возвращаться за коляской ей будет совсем непросто, однако напрашиваться на дальнейшую помощь постеснялся. Она ведь и без того дичится – что совершенно понятно...

– Не могли бы вы... раз уж... – Девушка снова выговорила это с видом «боже, что ж я делаю?!».

– Да, конечно, – сказал он тогда, и первым двинулся по дорожке, тоже довольно сильно занесённой снегом. Юлия шла за ним с коляской, и лишь на крыльце он пропустил её вперёд.

Она торопливо отперла дверь и включила свет в прихожей. Раздался вопрошающий мям, и разноцветная изящная кошечка высунулась навстречу. Не обращая на неё внимания, девушка быстро скинула с себя верхнюю одежду, молниеносно сняла сапоги и наконец, подхватила у него ребёнка. Который, кстати сказать, был не такой уж невесомый!.. Тот пробудился от резкого света, что-то залепетал и захныкал. Но когда с него стянули комбинезон и шапочку (парень-то оказался весь в кудряшках бледно-золотистого оттенка, ну просто принц, царевич-королевич из сказки!), снова смежил веки, опущённые длинными ресницами, и отрубился.

– Я только его уложу, ладно? – произнесла девушка и быстро унесла свою ношу – куда-то, кажется, вверх по лестнице.

Уходить не попрощавшись было бы теперь как-то странно. Он подумал, не следует ли внести сюда коляску? Прихожая была просторной, не захламлённой; со встроенной в одну стену молочно-белой кафельной печью – должно быть, отдающей тепло смежной комнате, когда её растапливают. Впрочем, вряд ли её растапливают – печь наверняка давно имеет декоративный характер, вон как начищенная медная заслонка хорошо рифмуется с такой же медной рамой зеркала на противоположной стене, и с латунной решёткой потолочного светильника тоже... Он решил, что коляска тут не к месту, натечёт ещё с колёс на светлый ковролин; её, наверно, можно так и оставить снаружи, под козырьком крыльца, и свой пакет там же. А вот юлины пакеты он всё-таки внёс и водрузил на банкетку, притулившуюся у вешалки.

Ну и жарко же тут, однако...

– Спасибо вам огромное! – горячо воскликнула девушка, возвращаясь в прихожую. – Он просто переутомился сильно, вот и весь режим полетел... Ему ещё поесть бы надо – но опять заснул, как убитый. Я совсем не умею с детьми...

– А как же вы тогда?..

– Да просто у хозяйки – она в Москве живёт – что-то там случилось, а няня уже на праздники уехала. Вот она мне его срочно и закинула...

– Ясно! Весёлый у вас праздник, значит...

– Да уж, – ответила Юлия. И, похоже, наконец окончательно проникнувшись к нему доверием, робко предложила: – Давайте, я чайник поставлю, раз вы никуда не торопитесь. Правда, у меня, к сожалению, ничего особенного нет...

– А вы, похоже, и отмечать сегодня ничего не намереваетесь? Как же так?

– Да так... Мы с подругами седьмого, на Рождество решили собраться. А Новогоднюю ночь они все с родителями проводят... Сюда вешайте. Вот шлёпанцы.

– Удивительно, как у нас с вами всё обстоит похожим образом!..

Она привела его в ту самую, всю во множестве узких окошек, ротонду, откуда наверх поднималась деревянная лестница. Само же помещение оказалось большой кухней, точнее, кухней-столовой. Потолок, обшитый уютной тёмно-коричневой вагонкой, с оранжевым дачным абажуром, под ним – овальный стол с венскими стульями, в простенке резной буфет с цветными стёклами – всё старинное, если не сказать старомодное, но при этом носящее печать ухоженности и респектабельности. Ретро-стиль.

Впрочем, собственно кухонный угол был вполне современным: никелированная мойка, большой холодильник и даже отделяющая его вместе с газовой плитой стойка, напоминающая барную, только вместо табуретов к ней примыкала длинная, покрытая лаком скамья. Рядом с ней стоял специальный столик для ребёнка, вокруг – раскиданные игрушки...

– Вы садитесь, – сказала Юля, убирая со скамьи какие-то брошенные детские одёжки, и завозилась у плиты. На другой конец скамьи тут же запрыгнула кошка, настороженно косясь на него узким глазом и явно не желая прикосновений от постороннего.

– А где же собака? – спросил он.

– Собака? – растерянно переспросила девушка, обернувшись.

– Ну, я просто видел, что вы и собачий корм купили тоже...

– А, так это я соседке! Она меня всегда просит прихватывать...

– Надеюсь, не для себя просит? – глуповато пошутил он.

– Нет, конечно! Для псинки своей капризной...

Покуда не закипел чайник – настоящий, огромный, пузатый, не чета новомодным электрическим, девушка успела разобрать и разложить свои покупки, подбросить корма в кошачью миску и даже сбегать наверх, проверить ребёнка.

Наконец она разлила чай в керамические кружки, подав к нему нарезанный лимон и интересное варенье – из яблок и чёрной рябины.

– Красивый дом, – сказал он. – И кто же ваша хозяйка?

– Да так... содержанка, – ответила девушка. И тут же, видимо, смутившись собственной формулировке, торопливо добавила: – Ну, в смысле, ребёнок у неё от крутого. Тот, вроде, им хорошо помогает...

– Понятно. А вы чем занимаетесь?

– Учусь тут рядом... На ландшафтного дизайнера.

– О, прекрасная профессия! Наверно, в этом знаменитом вузе, как там его? – я знаю, он тут где-то неподалеку...

– Три остановки на электричке. Две с половиной даже, если пешком гулять, – подтвердила девушка. – А вы?

– Я переводчик. Отучился уже.

– А... в армии были?

– Нет. Из-за аспирантуры заочной.

Девушка кивнула, опустив глаза, и задумалась. Оттого, что стойка была узкой, она села хотя и напротив него, но чуть на отлёте, и Савва залюбовался её профилем – тонким, как графический набросок... Она очнулась и порозовела от смущения.

– А ёлки, значит, у вас тоже нет? – спросил он беспечным тоном, чтобы хоть как-то вывести её из этого состояния.

– А вот же! – застенчиво улыбнулась Юлия, кивнув куда-то на ближайшее оконце.

Он пригляделся: в отсвете дальнего уличного фонаря за этим оконцем можно было разглядеть еловую ветку, точнее, целую лапу, тянущуюся от дерева, которое только угадывалось. Её, кажется, оплетали какие-то ленты, гирлянды, присыпанные живым снежком.

– Здорово! Это вы сами придумали?

– Ну да, – подтвердила она.

И вдруг замерла, прислушиваясь. Кажется, к дому подъехала машина, скорее угадал он. Тут же извне донёсся бодрый, нетерпеливый гудок; за ним второй, третий, энергично оповещающая округу о своём появлении.

– Похоже, это она! – пробормотала Юлия; лицо её снова стало бледным. – Странно, я была уверена – завтра. И ведь обычно сообщает заранее!..

– Хозяйка? Вам теперь... может влететь из-за меня? – сочувственно осведомился он после паузы.

Та пожала плечами с видом «да нет, но...» И, вздохнув, покорно отправилась к входной двери, откуда вскоре и раздался ожидаемый звонок.

Да, не стоило ему оставаться на чай! Взыграло, понимаешь, любопытство, вот и подвёл девчонку – вряд ли прибывшей дамочке понравится незнакомец в доме...

Хлопнула дверь, из прихожей послышались голоса: юлин, что-то жалобно бормочущий, и другой – звонкий с морозца, слегка нервный, но, пожалуй, скорей бодрый и весёлый, нежели раздражённый.

Он поднялся навстречу входящей молодой женщине, что разматывала на ходу длинный шарф, встряхивая пепельно-русые, по плечам рассыпающимися волосами.

– Здравствуйте.

– Это Савва, – пискнула девушка из-за её плеча. – Савва, это Лада Алек...

– Да можно без отчества, – прервала её обладательница старинного имени и миловидной, хотя и неброской внешности. – Добрый вечер.

Явно удивлённая, она бегло оглядела и его, и всё помещение, словно говоря при этом: «Ого, да тут, оказывается, не скучают!..» И, в тот же миг обо всём забыв, поспешила по лестнице наверх; Юлия бросилась за ней следом.

Сколько они там, интересно, будут возиться с дитятей? – подумал Савва, машинально разглядывая в столовой зоне навесные полки с керамической посудой и нишу с целой декоративной композицией из сувениров и сухих букетов... К счастью, ждать пришлось не слишком долго – видимо, малыш продолжал благополучно спать; обе хозяйки вскоре неторопливо и расслабленно спустились вниз.

– Так вы, стало быть, наш сосед? – спросила женщина по имени Лада, теперь разглядывая его не торопясь, со сдержанным интересом. – Юлия сказала, с Добролюбовского. А конкретно?

– Дом номер три. Точнее, часть его...

– Ах, китайский домик?..

– Китайский? – не понял он.

– Неважно. Долго объяснять... А – как же её? – Анна Антоновна-то жива, я надеюсь?

– Да, конечно. И дочь её, и зять... От меня через стену.

– А ведь там же, по-моему, было три отдельных входа? Или всё давно изменилось?

– Точно, есть и ещё одна часть. У нас такой таунхаус по-советски... Но те жильцы, по-моему, только летом бывают, а сейчас всё закрыто.

– Ясно, – произнесла Лада, и, поглядев на остатки их скромного чаепития, добавила: – А, говорят, вы, Савва, праздновать ничего не планировали? И ты, Юль, значит, тоже? Неправильно это как-то, молодые люди!

Молодые люди разом посмотрели друг на друга и пожали плечами.

– У меня тоже в этот раз всё наперекосяк, – сообщила Лада. – Сорвалась сюда, и только в машине обнаружила, что мобильник дома оставила. Разрешить мне твоим воспользоваться, а то меня все хватятся? – спросила она у Юлии.

– Конечно, – ответила та.

– ... а потом даже не догадалась по дороге в «Ашан» или ещё куда заехать. А может, всё и так давно закрыто... У нас что, совсем шаром покати? Надо в подпол залезть, должно ж там что-то оставаться... Но вот выпить, увы, точно нечего! Это я к тому, что отметить всё равно ведь надо. Который час-то?

– Без десяти девять.

– Ну, если вы, Савва, не против встречи Нового года в самом сурово-аскетичном варианте... то приходите часа через полтора, мы тут с Юлей хоть что-нибудь организуем.

– У меня есть овощи замороженные. С шампиньонами, – робко произнесла Юлия.

– Спасибо за приглашение, – сказал Савва. – А я тут, между прочим, закопал шампанское...

– А вот это здорово! Прямо Вознесенский, – отметила Лада и озабоченно добавила: – И погодка соответствует. Так замело, что машину придётся у ворот оставить, их и не открыть сейчас.

– ... а ещё, дамы, могу предложить банальные магазинные пельмени – там, на улице остались. Не знаю, насколько они...

Но дамы энергично запротестовали в один голос:

– Нет, нет, не стоит, забирайте! Вот шампанское, действительно, тащите, хоть немножко станет на Новый год похоже...

Выходя за калитку, он покачал головой – ну и поворот винта! Но почему бы, в конце концов, не произойти небольшому новогоднему приключению?

В свете фонаря бросил взгляд на припаркованную машину, медленно присыпаемую снежком. Ну, конечно, славный такой дамский ниссанчик, как же иначе! Хотя его владелица... не сказать, что похожа на подружку крутого. Даже несмотря на эту беспечную рассеянность и, вероятно, взбалмошность. Во всяком случае, – по его представлениям непохожа. Живой ум в глазах, и вообще, чувствуется в ней какой-то демократизм, простота в хорошем смысле. И что удивительно – назвала Вознесенского! Ведь сейчас любой, кто помнит эту песню, небось, свяжет её с Леонтьевым... или кто там её пел – Як Йола? Чёрт, теперь даже и не вспомнить...

В детстве она ему ужасно нравилась, эта песня про двенадцать новогодних дней и бутылку шампанского, закопанную в снег, – куда больше, чем первоначальный, исходный текст. Он тогда предчувствовал, ничего прямо не планируя, что однажды будет жить там, где настоящие снежные зимы, где с первого по двенадцатое можно будет звать к себе друзей, ходить с ними на лыжах, а потом сидеть у огня... Что ж, не прошло и лет пятнадцати, как предчувствия себя оправдали... уже почти.

Притопав домой, он, не раздеваясь, включил свет на терраске, чтобы тот падал на сугроб, и принялся долго, без толку его раскапывать. Снегу напалада прорва, он быстро набился в перчатки и обшлага рукавов. Но главное, заветного горлышка никак не удавалось нашарить! Не зря тот *выходил с опаскою*, не зря... *Вдруг его не найду*... Однако в нашем случае не найти бутылки станет полным фиаско, полным. Вот же, чёрт возьми, незадача!.. Пришлось идти и отпирать сарайчик (хорошо, что дверь там открывалась вовнутрь), искать наощупь лопату – ту, которая деревянная, старая... зато и бутылку ею не расколешь. И, слава богу, наконец, всё же откопал родимую – лежавшую, как оказалось, навзничь, а не горлышком вверх.

Дома тщательно её обтёр, прикидывая, не превратилось ли содержимое в лёд? Кажется, всё-таки, нет. Попытался, пока выкуривал сигарету, вспомнить, в каком произведении сей напиток вываливался в бокалы замороженными комками, но так и не смог. Обнаружил в своём телефоне целый урожай поздравительных эсмесок. Не спеша на все ответил; затем пошёл наверх, переделся в более приличные джинсы и рубашку с жилеткой. Ну, половина одиннадцатого. Пора идти...

В доме на Полежаева овальный стол был накрыт торжественно, с настоящей сервизной посудой, льняными салфетками и витыми свечами. В центре красовалась стильная хрустальная ёлочка, переливаясь оттенками зелени и синевы. Всё было словно призвано как-то скомпенсировать не по-праздничному скромное меню. Впрочем, хозяйки наскребли по сусекам и солёных огурцов, и банку шпрот, и ещё какие-то банки... Лада самолично подала всем по глубокой тарелке риса с грибами и овощами – совсем неплохо, на самом деле.

– Вместо оливье и прочего! – объявила она. – Приступаем, пока не остыло.

– А я лично к оливье равнодушен, – сказал Савва совершенно искренне.

– Я тоже, – застенчиво согласилась Юля.

Она надела блузку цвета морской волны и распустила свои тёмно-русые волосы, раньше забранные в хвост. Лада же, напротив, свои небрежно схватила сзади заколкой, чтоб не мешали, а фартук сняла только перед тем, как, наконец, уселась за стол.

– Настоящее, дореволюционное оливье и нынешнее – небо и земля, как известно, – сказала она. – Там полагались рябчики, каперсы, раковые шейки и много чего ещё. Я всё время мечтаю сделать его в Новый год по старому рецепту, и каждый раз не срастается что-то. Суждены нам благие порывы...

– Тогда ведь его в Рождество подавали, – напомнил Савва. – Мы же празднуем неправильно – во время поста. Хотя именно нас сегодня Патриарх бы не осудил: он говорит, что православному правильно встречать Новый год овощами, морепродуктами и тэ пэ...

– Вы верующий, Савва?

– Ну, как сказать? Не воцерковлён, но крещён...

– Как и все мы тут, – отметила Лада. – А родом откуда?

– Из Молдавии. Точней, вырос там и школу окончил, а родился вообще-то в Средней Азии. Родители оба владимирские были, но отец – военнотружущий...

– Понятно... И что, хороша страна Молдавия?

– Хороша, – лаконично подтвердил он.

– А, может, и в Румынии бывали?

– Конечно.

– И что... интересно там?

– Кому как. Мне – очень даже.

(Разве расскажешь, промелькнуло в голове, в двух словах про те церквушки, пёструю роспись их наружных стен, про резные шатры над колодцами, про деревенских дворняг, что бродят с подвешенным – в виде полешка – грузом на шее, дабы далеко не убежали, не заплутали, не попались волку и медведю... Или про радугу в Карпатах, восходящую сквозь лёгкую морось, водяную взвесь и туман? Про это и написать-то не получается...)

– А мы, к сожалению, ничего о ней толком не знаем. Ну, Дракула, ну Чаушеску... А, вот ещё: главный национальный поэт у них, кажется, Эминеску, да? Но у меня, по правде сказать, он в своё время что-то не пошёл, – простодушно сказала Лада. – Смутно запомнилось из предисловия, что судьба у него какая-то ужасная, и то, что вообще-то он был – Эминович, но поскольку там такая фамилия звучала слишком (вот ведь!) по-славянски, он её трансформировал...

– Да, всё так, – подтвердил Савва.

– Интересно. Надо как-нибудь попробовать к нему вернуться... А вообще, это ведь один с молдаванами народ, или, во всяком случае, – один язык, да?

– Язык – точно один. Ну, с поправкой на развитие в разных государствах. А вначале, когда к Союзу их присоединили, находились даже такие «переводчики», что якобы переводили – с румынского на молдавский. То есть просто с латиницы на кириллицу переписывали...

– Ловко! – рассмеялась Лада. – А вы, кстати, Савва – мне Юля сказала – тоже ведь переводчик? С какого языка? Языков?

– С итальянского. С того же молдавско-румынского. Ну, с английского ещё могу, так или иначе...

– С итальянского! – восхитилась она. – Впрочем, они ведь оба с молдавским романские? Так что неудивительно... Ну, молдавский вы, должно быть, в школе учили, а итальянский где?

– В Литинституте.

– В Литинституте? Но я, вроде, слыхала, что там готовят переводчиков только национальных литератур: советских, СНГ... И что из иностранных там можно разве финский выучить, поскольку – Карельская АССР, бывшая Карело-финская...

– Ну, тогда и про молдавский-румынский надо добавить. А вообще, у вас устарелые сведения. До распада СССР так оно и было, но с тех пор-то уж, как-никак, больше десяти лет прошло. Так что у нас в Лите давно европейские языки на хорошем уровне поставлены...

– Без пяти двенадцать, – робко произнесла Юля.

– Ого! Включай ящик, что ли...

Та щёлкнула откуда-то взявшимся пультом – оказалось, под потолком на кронштейне был укреплен небольшой телевизор, который он даже и не заметил. Президент как раз начал поздравление. Лада ловко зажгла свечи и быстро выключила верхний свет, а он занялся бутылкой, успев сказать:

– Не знаю, как оно себя поведёт... Опасаюсь за скатерть.

– Ничего, тут салфетки, – беспечно ответила та и подставила ему в ряд три бокала.

Он придержал пробку, туго толкавшую в ладонь; слава богу, эти девушки не стали испуганно взвизгивать от раздавшегося хлопка, а лишь символически поаплодировали. Он разлил шампанское под как раз зазвучавшие куранты, да так, что пена почти не потекла из бокалов.

– Ну, с новым счастьем!

– С Наступающим!..

Когда подъелось и допилось всё, что было, хозяйки убрали со стола и подали чай, к которому, кроме варенья из яблок и варенья из смородины, нашлась даже припрятанная коробочка шоколадных конфет.

– Спасибо, милые хозяйки, – сказал он. – Очень рад неожиданному знакомству. Вы мне сегодня устроили праздник...

– Без вашего шампанского никакого праздника бы не было!..

– Боюсь только, что с ответным визитом смогу вас пригласить к себе никак не раньше лета... У меня пока полный кавардак.

– А у вас там что, двухуровневая квартирка, должно быть? – полюбопытствовала Лада.

– Если так можно назвать... Внизу – кухня с террасой, да наверху... сперва предбанник, потом комната. А всё-таки, – не удержался он, чтобы полюбопытствовать в свою очередь: – почему «китайский домик»?

– А!.. Ну, раньше, в моём детстве, крышу вашего мезонина ещё было видно с электрички, когда к станции подъезжали. Это потом там ангар какой-то непонятный выстроили, да ещё деревья вымахали, загородили всё на свете. А мезонин, в окружении сосен, мне напоминал изображение на вазе одной китайской, старой такой, из папье-маше; куда она делась, ума не приложу... Короче, «китайский домик» показался – пора на выход!.. И участок у вас там, должно быть, имеется?

– Да, маленький совсем. Там у меня дровяной сарайчик, с тех времён, догазовых. Я бы хотел его вообще ликвидировать, а на том месте посадить какое-нибудь дерево мощное. Или ещё что придумать...

– Это вы с Юлей должны посоветоваться. Она здесь такие райские кущи разводит – летом увидите...

– Правда? Что ж, Юля, проконсультируете меня тогда на сей счёт?

– Хорошо, – серьёзно ответила та.

– Ну, спасибо ещё раз. Пожалуй, мне пора. Если какие проблемы – зовите... Давайте, телефон продиктую!

– Я запомнила, – пробормотала Юля, снова порозовев.

– Неужели наизусть? – удивился он.

– Да. У меня память такая...

– Ну, тогда ваш диктуйте. Я такой памятью похвастаться не могу, лучше вобью. – Он достал мобильник.

Юля продиктовала ему свой номер. Лада по поводу этого её «я запомнила» не выказала никакого удивления, кажется, глубоко задумавшись о чём-то своём. Она, надо сказать, всё время производила какое-то двойное впечатление: говорит, вроде бы, с самым искренним интересом и участием, но при этом, похоже, ухитряется параллельно пребывать мыслями где-то далеко от предмета беседы... Такое было ощущение.

Но когда он, окончательно распроцавшись и натягивая на голову капюшон, уже выходил в ночь, она вдруг окликнула его:

– Савва! А ведь я, кажется, была не права, что ничего не знаю о Румынии, кроме Эминеску да Чаушеску. Теперь вот вспомнила: Ана Бландиана же! Знаете такую поэтессу?

– Ещё бы!..

Лада рассмеялась, помахала рукой и захлопнула дверь.

Ну и ну, только и мог подумать он, выходя на улицу, – это уже, пожалуй, чересчур... это уже даже перебор – знать и про Эминеску, и про Бландиану тоже... Или наоборот: и Бландиану, и Эминеску тоже?..

В небе прогремел первый из бесконечных фейерверков, запускаемых в праздничную ночь.

Седьмого числа Снежанка с утра позвонила ей, огласив свою новую идею: «Юль, я чего подумала: давай, за тобой заеду сначала? Вместе к Тине и двинем, а то ты ведь не была у неё, ещё заблудишься...»

Явно захотелось поглядеть, где и как живёт подружка, прежде чем они отправятся на девичник. А если Снежанке чего взбрѣдет – не отвертись. Пришлось соглашаться: заезжай, конечно, и долго объяснять, как именно сюда добраться. Что ж, если надо – пусть поглядит; в конце концов, в доме порядок, чего надеть – подобрано и наглажено, подарки собраны и уложены...

Эти подарки, за которые не стыдно, она купила на днях, основательно прогулявшись по разным дальним торговым точкам, всюю уже заработавшим, полным празднующегося народу, не знающего, чем занять себя на длинных новогодних каникулах. У неё-то как раз шла сессия, но голова уже одурела от зубрѣжки, так что – провались оно всё и будь, что будет... Тем более, лишение стипендии теперь крахом не окажется – после того, *сколько* она получила от своей работодателницы в эту удивительную новогоднюю ночь.

Начиналось-то оно всё прескверно. Та позвонила двадцать девятого, днѣм, прямо спросив: где в этом году празднуешь? Нигде? Одна? Тогда – умоляю, выручай! Ни за что б тебя так не обеспокоила, если б не форс-мажор внезапный... (Что там за форс-мажор, разумеется, и не намекнула даже.)

И как тут откажешься? Покорно согласилась, как существо безвольное и зависимое. Пробормотала только: боюсь, не сумею, я ведь никогда ещё... Всё привезу, всё объясню, не волнуйся! Ему же, вообще, на даче нравится, тебя он знает и не должен особо закапризничать...

Прикатила тридцатого днѣм, когда она, Юля, уже, между прочим, успела с утра последний зачѣт сдать и вернуться, – и подкинула ей своё сокровище. Дала целый ворох инструкций и, как только сокровище заснуло, усвистала назад в Москву. Очень была какая-то собранная, как струна, и бледная – бог весть, чего уж там такое у неё могло стрястись...

Затем, конечно, сокровище пробудилось, и началась вся эта нестерпимая канитель. До чего, всё-таки, тяжело с такими маленькими – они совершенно не способны усидеть на месте и постоянно держат в напряге. Какая же это бесконечная нудятина: стой, ты куда, сейчас уронишь, шнур не трогай; мишки-мячики, сажания на горшок (боже, за что мне это?), переодевания, умывания... И, чуть что, – хныканье, переходящее в рѣв, требование то мамы, то няни... ну, когда же этому придѣт конец, легче, наверно, камни весь день таскать, честное слово!..

Ел он отвратительно, только одно какое-то пюре из всего привезённого набора удалось скормить полностью. Позвонившая наутро узнать, как дела, драгоценная мамаша посоветовала зайти во время прогулки в супермаркет и купить такое же пюре плюс ещё пару наименований (денег накануне она оставила).

Пока, однако, прособирались с ним на эту прогулку, уже стемнело. Идти пришлось далеко, за линию... Ну, а потом вдруг этот... спаситель-избавитель... Ксаверий, он же Савва... По правде сказать – и поверить поначалу было трудно, что такие красивые, хорошо воспитанные молодые люди могут водиться где-то здесь, поблизости.

Ну, а эта, как нарочно, – сразу же тут как тут (а ожидалась-то только назавтра – во всяком случае, она так её поняла). Хотя, конечно, если б не явление мадам хозяйки, то красавец бы вскоре откланялся – и поминай, как звали...

Когда он ушёл за своим шампанским, Лада задала пару уточняющих вопросов про подробности сего скоропалительного знакомства, иронически покачала головой: «Подумать только!.. Жизнь прекрасна и удивительна. Ну, Юлечка, поздравляю с Наступающим, а это – за моё спасение, плюс заодно вместо подарка. Да-да, не спорь – я ж понимаю, как тебе с непривычки-то тяжело пришлось. А подарок я собиралась было купить, присмотрела энциклопедию одну по растениям, но потом думаю – вдруг это только для дилетантов выглядит так прекрасно, а для тебя она и неактуальная совсем. В общем, сама себе выберешь что-нибудь, хорошо?»

В конвертике оказалась такие купюры, что она даже растерялась. Тут не то, что энциклопедию, тут, с её-то скромными запросами, несколько месяцев вперёд можно жить-поживать, даже не думая ни о каких приработках! Снежанка, например, сказала б на это что-нибудь вроде: поймали Юленьку и тут же заткнули рот крупной денежной суммой... Но ей-то, небось, хорошо рассуждать в подобном духе! А она, Юля, тогда лишь пробормотала в ответ, чего в подобном случае полагается, и принесла не только припасённый для Лады сувенирчик – игрушку-зверушку, символ года, но и классную ёлочку из стекла, которую недавно сумела выкопать из залежей разного китча на городских развалах и собиралась везти Тине. Теперь Тине, да и другим девчонкам тоже, она успеет прикупить чего получше, а ёлочка пускай красуется в центре стола, за отсутствием настоящей! И коробку конфет припрятанную выложила тоже.

Наутро после этой ночи Лада встала раньше неё – мелкий, конечно же, разбудил. Успела и прибрать-помыть после вчерашнего, и завтрак какой-то из ничего соорудить, и вывести ребёнка во двор погулять; ухитрилась даже, пока он топтался по пояс в снегу, помахать лопатой и расчистить дорожку к калитке, после чего, кажется, откапывала свою машину и прогрела мотор. Как-то у неё всегда получается со всем управляться – спокойно, не суетясь, как бы между делом, размышляя о чём-то своём, постороннем... Не отнять!

После ещё искала по шкафам книгу какого-то автора – Кортасара, что ли, а найдя, собрала ребёнка и укатила, наконец, с ним в Москву. Напоследок сказав тоном заботливой старшей сестры: «Ну, отдохнёшь теперь перед телеком денёк, да и начинай заниматься! Когда первый экзамен-то?.. Вот-вот, пора...»

Будто она и без неё не знает!

...Снежанка, разумеется, сама заблудилась в трёх соснах, сто раз созванивались, пока, наконец-таки, не возникла в калитке, приветственно махая ей, мёрзнувшей в ожидании на крыльце.

– Вау, вот это дом!

Влетев в прихожую и не успев толком раздеться, затараторила сходу:

– Ни фига себе, сколько ж тут комнат-то всего?

– Ну, как считать, – замялась Юля, – если кухню взять как столовую...

– Где? Вот эту? Ой, да тут чуть ли не зал целый, а не кухня! Конечно, считать!

А наверху что?

– Там хозяйкина комната. Тогда – шесть, значит...

К счастью, подниматься наверх Снежанка всё-таки не стала, но по нижнему этажу пробежалась основательно, сунув в нос в каждую из дверей.

– А тут типа гостиная, что ли? Книг-то, книг – представляю, сколько они пыли собирают! А вообще, знаешь, на что похоже – на моих деда с бабкой квартиру. Прямо винтажный интерьер тридцатилетней давности! Только вместо компа тут должна стоять машинка печатная, ну и телевизор – не «Самсунг», а вроде «Рубина» какого-нибудь...

– Да, здесь специально почти всё оставлено, как было; ремонт – только косметический. И машинка, кстати, сохранилась, только в шкафу где-то...

– Ой, а вот тут прелесть комнатка! Обожаю печворк – одеяла лоскутные. Изразцы эти печные... А сама печка что, в прихожую выходит? Её топить можно?

– Теоретически – да. Сейчас отопление давно уже газовое, а печь – на случай перебоев каких-нибудь. И для романтики – как она говорит. Тут ведь когда-то вместо прихожей кухня была, всё перестроено...

– Но мне, вообще-то, камин нравятся, а не печи. А ты-то сама где обитаешь?

– Вот здесь, – сказала Юля, открывая дверь в комнатку с маленьким оконцем, бывшую кладовку, где кроме полок для белья, прикрытых занавеской, помещались только узкая койка, стул и тумбочка.

– Меня устраивает, – добавила она, упреждая снежанкину жалостливую реакцию. – Я сама выбрала.

Та, впрочем, отнеслась спокойно:

– Ну, ты ж тут ночуешь только, да? А так-то, весь дом, считай, в твоём распоряжении? Все удобства, ванна настоящая (плафон там расписной мне понравился!) ... Компьютер вон, даже. Что, и Интернет тоже есть? Офигеть! Может, и линия выделенная?

– Нет, карточки покупаю.

– Всё равно повезло. Тем более, если кроме электричества, говоришь, ни за что вообще не платишь. Классно ведь!.. Но ей-то, хозяйке, какая выгода? Что б кто-то жил-сторожил просто?

– Конечно. Кошку кормил, цветы поливал... А, главное, чтоб котёл не отключать газовый на всю зиму. Это же дому во вред.

– А сама-то редко наезжает?

– Да нет, вообще она и зимой бывать любит, а летом так и не вылезает почти...

– Ясно, – подытожила Снежанка. – Два этажа, внизу пять комнат... или шесть?

– Один этаж да светёлка, – поправила Юля. – И с той стороны ещё веранда примыкает, большая такая...

– Слушай, а тебе не страшно тут одной?

– Нет, я привыкла, – твёрдо сказала Юля. – Улица населённая, в большинстве домов люди круглый год живут. Слева старики, справа семья целая, с детьми, а напротив, через дорогу, – такая, вообще, соседка... Чуть посторонний какой забредёт на улицу, она уже на стрёме. Если что подозрительным покажется – сразу выходит со своей собачонкой, а та такой лай подымает – у всего посёлка уши закладывает. Кого хочешь разгонит.

– Да я не про то, что кто-то обязательно в дом залезть должен...

– Не залезет – тут в окнах, думаешь, переплёты такие необычные? А на самом деле это решётки специальные...

– Не, я про то, что – жутко, на верно, ночью-то... шаги чудятся, в привидения верить начинаешь...

– Шаги тут только кошачьи. Жаль, эта красавица сейчас слиняла куда-то – тебе б понравилась! А привидений как будто не водится.

– Всё равно – смелая ты! – с уважением произнесла Снежанка. – Я б, наверно, побоялась...

Тут особо выбирать не приходится, подумала Юля. Это тебе, единственной дочке благополучных родителей, хорошо и никаких проблем...

– Ну что, чайник ставлю?

– Ты чего, опоздаем! – Снежанка уже полностью удовлетворила своё любопытство и была готова к добыче новых впечатлений.

– Тогда я сейчас быстро переодеваюсь, и мы на час пятьдесят успеваем...

Вскоре они, гуськом по узкой протоптанной дорожке, добрались до магистральной и, слава богу, относительно расчищенной, улицы Серафимовича, а там припустили в сторону станции. Навстречу попался лишь один старик, да разок проехала машина...

– Тут у вас всегда так пустынно? – спросила Снежанка.

– Сейчас – да.

– Романтика, конечно: снег, тишина. Но я б лично так жить не смогла, мне городскую кутерьму подавай...

Однако почти на подходе к станции они нагнали шагающую впереди пару – мужчину и женщину... точнее, Савву и какую-то девицу в дублёном полушубке, с непокрытой рыжеватой головой...

– Здравствуйте, – пробормотала Юля, когда они их обгоняли.

– Здравствуйте, Юля, – улыбнулся Савва. – С Рождеством Христовым!

– И вас тоже!

Она заставила себя даже не бросить взгляда на девицу. Проявлять излишнее любопытство невежливо, да и вообще, какая ей разница, как та выглядит и откуда взялась... Небось, не местная; значит, навещала его тут. Подружка, стало быть... А теперь вот – наверняка в Москву едут. Или же он её провожает...

Им со Снежанкой надо было в противоположную сторону, в город-спутник в нескольких остановках от посёлка. Они еле успели на свою электричку. В вагоне Снежанка, отдышавшись, спросила, с кем это Юля только что здоровалась.

– Да так, с соседней улицы один, – сдержанно ответила та.

– Видный мен, однако! Подумать только, какие на ваших выселках водятся...

Через пару часов Юля смотрела с высоты девятого этажа на городские огни в сгущавшихся уютных сумерках, мерцающие, словно по воде расплывающиеся, и рассеянно слушала странные песни группы «Ночные снайперы», которые так обожала Тина.

Я несла её молча, мою страшную тайну,
от окна к окну, от порога к порогу...

Тина-Валентина была из семьи довольно состоятельной – её родители сейчас были в Италии, катались на горных лыжах. Она единственная из них, девчонок, училась на платном отделении – как подозревала Юля, её и приткнули-то, не заморачиваясь, в их вуз главным образом потому, что расположен близко к дому. Во всяком случае, ни одного живого растения, кроме ёлки, увешанной одинаковыми, по европейской моде сезона, серебристо-синими шарами, ни одного гербария или хотя бы пейзажа на стене в этой большой, солидно упакованной квартире не наблюдалось. Рождества самого по себе тоже никак не чувствовалось: Тина подала пиццу с креветками, всякие навороченные салаты с авокадо и вялеными помидорами, затем – круглое деревянное блюдо с разными сырами, на французский лад. А также – брют и сложносочинённые коктейли на текиле.

Юля отвернулась от окна и посмотрела через приоткрытую дверь, как Тина, Снежанка и Лера курили за разорённым столом. Лера-Валерия, в отличие от пухленькой брюнетки Тины и от долговязой и какой-то несбалансированной, словно всё ещё растущий щенок, Снежанки, была девушкой идеального роста и сложения, с прекрасными длинными волосами оттенка «тёмный орех», правильными чертами лица и загадочным прищуром зеленоватых глаз. У Леры уже имелся любовник – не какой-нибудь там бойфренд, сокурсник и ровесник, а тридцатилетний архитектор, не то женатый, не то всё-таки разведённый; правда, на сию тему та почти не распространялась. Но, главное, Лера обладала настоящим талантом в их будущей профессии – так считала Юля, которой давно хотелось пообщаться с ней как-то покороче, чем получалось всегда.

И вот – в кои веки оказались в одной тесной компании, а особо не пообщаешься: то дым коромыслом (некурящая Юля была вынуждена держаться подальше), то досужая болтовня пополам с песнями вот этими странными...

Кошка хочет курить.
У кошки намокли уши.
Кошка хочет скулить —
ей, как и собаке, хоть кто-то, да нужен...

– Ну чего, кофейку? – спросила Тина, начиная лениво собирать пустые тарелки и переполненные пепельницы. Направляясь с ними на кухню, она крикнула: – Юльк, ты где? У меня?.. Вот и сиди там, мы к тебе сейчас придём, а то тут нескоро всё выветрится...

В тинину комнату, где Юля куковала у окна, девчонки принесли подносы с чашками кофе, конфетами «Рафаэлло» и бутылкой ликёра «Малибу», водрузили всё прямо на середину мягкого пушистого ковра и расселись-разлеглись вокруг. Вечеринка на западный лад пошла на лад восточный, тем более что Тина ещё зажгла индийские ароматические палочки, которые ей кто-то сегодня принёс. Ещё она не забыла захватить магнитофон и поставить очередную «снайперскую» кассету.

– Жаль, что они разошлись, – сказала Снежанка, кивнув на магнитофон и изрядно добавляя себе в чашку ликёра. – А вообще, мне Светка больше нравится, чем Арбенина.

– Да ты что-о!.. – обиженно протянула Тина.

– А мне – Агузарова, больше их всех, вместе взятых, – заметила Лера. – Что она теперь делает в Америке, непонятно...

Девчонки заспорили – впрочем, не слишком активно. Потом Тина воскликнула: «О, „Алмазный британец“, моя любимая!» и прибавила звук.

...Когда-нибудь
я расплету клубок
и между двух зеленых холмов
я увижу следы, а пока —

я вспоминаю тебя.
Я вспоминаю тебя,
мой алмазный.
Я вспоминаю тебя.
Я вспоминаю тебя,
мой алмазный британец.

Какие прекрасные лица

у тебя.
Глаза твои
по золотой дороге.
И скорость двести километров в минуту
в одном экипаже. С болью

Я вспоминаю тебя...

Что всё это значит, раздражённо думала Юля, пытаясь вникнуть в текст, просто поток бредового сознания, да и только. Но будоражащая мелодия с этими скрипичными запилами захватывала, возносила невесть куда, и становилось ясно, с кем отныне будет ассоциироваться у неё мифическая фигура какого-то неведомого британца, да ещё с какой-то стати алмазного... С тем, кто невольно испортил ей сегодня днём всё настроение – с кем же ещё?

– Нельзя ведь постоянно обманывать родное государство! – весело произнесла утром Нютка, выбираясь из-под одеяла. И тут же добавила: – Не бойся, я пошутила: принуждать мальчиков к сожительству – не в моих правилах!..

«А что, собственно, ты тогда проделала-то?» – подумал Савва.

– Ох, ну и холод у тебя, всё-таки! – воскликнула она, торопливо натягивая свои шмотки. – Думай, что хочешь, а в душ не полезуй...

– И так хороша, – согласился он сквозь зубы. – Давай, омлет готов почти...

Нютка спустилась следом за ним в кухню, на ходу усмиряя, заплетая в косицы свои знаменитые буйные волосы, жёсткие, как медная проволока, и почти такие же цветом – ему всегда было непонятно, природная это рыжеватость или всё-таки хна какая-нибудь? Скорей всего первое, усиленное вторым...

– А я тебе про Аргуновского-то рассказывала? Пытается журналчик замутить, поэзия плюс эссеистика...

Плеская себе в лицо водой, вытираясь, усаживаясь за стол, Нютка, как ни в чём ни бывало, продолжала вчерашнее – то есть изложение новостей, запас которых у неё всегда был неиссякаем.

С Нюткой они вроде как дружили (именно что дружили – до сегодняшнего, получается, утра!) ещё с Лита. С первого курса, когда он, к большому неудовольствию родной семьи, уехал из своей свежееотделившейся провинции в бывшую метрополию, гигантский мегаполис, переживающий смутные времена. И, что говорить, слегка подрастерялся, попав в маленький, совсем камерный и домашний, но отнюдь не благодатный вуз на Тверском бульваре, а также в буйную его общагу на улице Добролюбова, – где он обитал единственным из своей группы, что, кроме него да Соны из Еревана, состояла сплошь из московских девочек и мальчиков от хороших еврейских семейств.

Нютка тоже была урождённой москвичкой, но в общаге ошивалась часто. А вообще-то – владела огромной запущенной квартирой на Соколе, квартирой необычной планировки (со ступеньками, ведущими на нижний уровень, окошками в коридор и прочей экзотикой – ничего подобного ни в Москве, да и нигде ещё, ему больше видеть не доводилось), стоявшей, небось, целое состояние и перевидавшей уйму пьянок самых разношёрстных компаний. Её отец, не одобрявший богемных дочкиных наклонностей, был каким-то чиновником и жил со своей второй семьёй; мать вообще давно перебралась за границу. Нютка училась на отделении поэзии и в студенческие годы прославилась тем, что каждые каникулы, и не только, моталась по Европе автостопом, иногда устраиваясь там на какие-то нелегальные работы, а после публиковала в разных журналах и альманахах свои отчёты в форме маленьких поэм-верлибров. Некоторые ему тогда нравились; почему не нравились другие, он терпеливо объяснял ей по её

настоятельным просьбам. Нютка не обижалась, утверждая, что доверяет его вкусу – в отличие от вкусов участников своего творческого семинара и его руководителя – поэта, и впрямь, какого-то больно уж советского, устарелого. Его, Саввины, стихи, Нютка похваливала, первая публикация в серьёзном издании произошла по её протекции; при этом она горячо одобряла, что он не пошёл на отделение поэзии, а пошёл в переводчики: всё ж профессия, чему-то учат, не то, что эти их бесполезные обсуждения стихотворных потуг друг друга. Сама она была к языкам способна, но ленива: могла немного объясниться на нескольких, но вот читать – разве что со словарём.

Теперь Нютка писала всякие заметки для разных журналов, а ещё сдавала одну из своих комнат студенческой паре. Она и ему в своё время, когда в аспирантуру он попал только заочную и общаги лишился, комнату предлагала; он, однако, отказался – бесплатно, по дружбе, не хотелось (как чувствовал?), а настоящую плату бы не потянул. Ничего, перебился тогда – жил то у одних уезжавших на время знакомых, то у других. Тем временем в Молдавии умер отец, а вскоре и мать тоже... Они с сестрой продали родительскую квартиру. Суммы, которую он получил, конечно, не хватало даже на жалкую, «убитую» однушку в дальнем Подмосковье. Но кто-то из знакомых надоумил: а чего, собственно, так упорно цепляться за крольчатники эти бетонные? За городом можно разжиться хибаркой, а то и полдомика поприличней какого присмотреть; минусов, конечно, много, зато – реально. Так и оказалось. Короче, ему удалось неплохо подкалымить на одной удачно подвернувшейся временной работе, потом ещё – призанять, а уж после, объединив всё вместе, купить вот это жильё, которое ему приглянулось сразу.

Однако, как выяснилось, – владеть законно приобретённой недвижимостью ещё не означает права в ней прописаться. Нужно было получать российское гражданство, для чего потребовался обман государства в форме фиктивного брака. Нютка предложила свои услуги. Зачем ей это было надо, он так и не понял. Быть может, решила, что пора украсить родной паспорт штампом – хотя бы таким, липовым, если по-другому что-то никак не срастается?

Намеревалась даже сходить с ним в загс бесплатно (опять «чисто по дружбе»), а потом ещё и устроить для прикола пьянку среди своих, посвящённых... Но он разузнал, сколько обычно стоит подобная процедура в среднем, и всучил ей эту сумму сразу же, а от пьянки решительно отказался, нафига нужны такие комедии.

К прошлой осени он, наконец, получил гражданство, прописку и перебрался сюда со своим скопившимся за московские годы скарбом – главным образом, книгами. Развод они собирались оформить где-нибудь не раньше весны, поскольку Нютка опять окунулась в какие-то свои неотложные дела и поездки. На Новый год обменялись эсэмэсками; «Поздравляю законного супруга!» – написала Нютка. Ему казалось, что она должна быть в это время не то в Польше у матери, не то в Питере, однако ошибся, и прямо накануне Рождественской ночи Нютка вдруг прозвонилась, объявив, что возвращается сейчас на машине с друзьями из поездки в Переславль-Залесский, и вот решила спонтанно заглянуть к нему на огонёк, поглядеть, как обжился...

В его планы на вечер это никак не вписывалось, но пришлось тащиться встречать Нютку на шоссе, где её высадили какие-то знакомые американцы, любители российских достопримечательностей. Она с любопытством обошла всё его жилище, куда попала впервые, искренне пожалела за тесноватость и предстоящую канитель по обустройству, однако при этом, поглядев сверху на заснеженный участок и уютно освещённые окошки дачи напротив, согласилась: что-то в такой жизни всё-таки есть!.. Потом они заболтались под приглушённую радиотрансляцию из Храма Христа Спасителя, уговорив почти полную походную фляжку с джином, которую она выставила, и, разумеется, пропустили все электрички. У него, к счастью, имелась раскладушка, которую он ей поставил внизу, на кухне, где было больше места и больше тепла. Что не помешало ей под утро подняться к нему наверх, влезть под одеяло и прижаться с томным:

«Я продро-огла!», хотя на ощупь оказалась вовсе даже горяча. А дальше – понятно: слаб мужской человек, чего тут ещё скажешь...

Он теперь, разумеется, досадовал: какого чёрта, с Нюткой хорошо иногда выпивать и чесать языками, но вообще-то она, с её балансированием на том краешке, за которым уже плещутся оголтелый цинизм и вульгарность, – точно не в его вкусе. Как женщина. И запутывать ясные доселе отношения было совершенно ни к чему. Сам виноват, идиот безвольный...

– Так ты – к Готовцевым, значит? – отодвигая чашку и закуривая, поинтересовалась Нютка лениво.

– Да. Поехали вместе, – предложил он, хотя ему вовсе не улыбалось, чтобы Нютка – с ней – станется – весь вечер самодовольно на него поглядывала и отпускала двусмысленные шуточки.

– Не, неохота что-то в это благостное семейство. Я вообще в последнее время поняла, что из всего выпуска нашего только тебя нормально воспринимаю и ещё двух-трёх человек буквально. Остальные обмещанились мгновенно как не знаю кто, а что за надежды, блин, подавали!.. Лучше уж я сегодня с хмырём одним повстречаюсь, давно набивается...

Они снова изрядно проболтали, пока, наконец, не спохватились, собрались и отправились в Москву. Почти у станции их обогнали Юля с какой-то девчонкой.

– Что за киски? – спросила Нютка.

– Одна – знакомая, с соседней улицы, – лаконично ответил он. – Другую не знаю.

– Соседки у него тут юные, понимаешь... Не скучно, гляжу, в твоей глухомани.

– Не скучно, – подтвердил Савва.

Всю дорогу, в электричке, потом в метро, Нютка держалась как обычно, будто ничего и не было вовсе. И только перед тем, как выбраться из битком набитого вагона на свою станцию, прижалась к нему особо тесно и интимно хихикнула, чмокнув куда-то в скулу: «Ладно, не дуйся! Дам развод, как было обещано...»

«Вот же зараза», – подумал он и поехал дальше, на «Водный стадион»; Готовцевы снимали там двушку минутах в десяти от станции.

У Готовцевых, к которым он явился первым, замечательно пахло настоящим Рождеством: живой елью, мандаринами, какой-то птицей, запекаемой с яблоками, сладким пирогом – всем сразу. Худющий Антоша накрывал на стол, а круглолицая Танюша, с аккуратным, чуть выпирающим под фартуком животиком, возилась на кухне. Старший ребёнок – серьёзный немногословный пятилетка – тихо сидел в своём углу за рисованием; получив в подарок книжку и коробку с пазлами, отложил фломастеры и принялся углублённо всё изучать.

– Танюшке нельзя, а мы с тобой сейчас по аперитивчику!.. Аргуновский тоже обещал сегодня приехать, знаешь?

– С девушкой, – добавила Танюша, ставя перед ними плошку с горкой крупных вяленых маслин. – Ты-то, Саввушка, когда приведёшь кого-нибудь?

– Дай человеку обжиться сперва, и за ним не заржавеет! – уверенно заявил Антоша. – Ну, со светлым праздником!..

Антоша, с которым они вместе заканчивали аспирантуру, был родом из города Бологое, а Танюша и вовсе с Урала, но оба, конечно, остались в Москве – как большинство иногородних сокурсников. Антоша подвизался в разных изданиях и много где преподавал, а Танюша, в своё время учившаяся на детской литературе, теперь с одной соавторшей писала романы для подростков в православном ключе, неплохо, кажется, этим зарабатывая.

Сидя среди такого лада и склада, можно было не сомневаться: всё-всё у этих ребят будет путём, закрепятся в столице окончательно, займут собственную квартиру, вырастят здоровых благополучных детей, Антоша станет профессором и так далее... Причём – без помощи и протекций, без особого напряжения и сетований, методично, последовательно и согласно. Наглядный успех от неустанных трудов плюс некоторой скромной удачливости.

Не симпатизировать им, их жизнеустроению было невозможно. Но при этом Савва отнюдь не был уверен, что у него самого получилось бы вести настолько добродетельное существование. Если б даже и захотелось когда-нибудь...

Лада обошла весь этаж книжного на Тверской, от худлита до сувениров, потом ещё постояла над ступеньками, ведущими вниз, в букинистический, но сказала себе: нет, на сегодня хватит. Руку и так оттягивала корзина, где поверх трёх книг, двух журналов и одного альбома (здесь разве удержишься!) лежало ещё и несколько глянцевого путеводителей – надо было заранее поразмыслить насчёт лета, ведь ей минимум месяц полагается провести на тёплых морях. Хотя (вот честно!) совершенно никуда неохота, так и просидела бы на родимой даче, изредка выбираясь сюда, в Москву, в которой летом – тоже своя особая прелесть...

Она направлялась к ближайшей кассе, где стояли два человека (народу в этот час здесь не так много), когда заметила Валерию Ильиничну Новодворскую, собственной персоной. Неся с довольной улыбкой изрядную стопу печатных изданий (жаль, не разглядеть, чего выбрала), доходившую почти до внушительного двойного подбородка, валькирия прошествовала к другой кассе, как специально для неё тотчас открывшейся, и довольно любезно зашебетала о чём-то с продавщицей.

Надо же, подумала Лада, расплачиваясь, какими мы можем быть пушистыми в приватной действительности! Надо Ульянке рассказать. Или взять да попросить для неё автограф, та бы поместила его на пробковый щит над своим рабочим местом, увешанный разнообразными материалами, – куда-нибудь между «Декларацией прав человека» (от ООН; преамбула), «Декларацией девственности» (от Елизаветы Лавинской, с понтом внучки Маяковского) и свежей карикатурой на президента...

Однако, получив в каждую руку по увесистому фирменному пакету, Лада оставила эту мысль и побрела на выход. На улице падал снег, на ходу превращавшийся в дождь, пешеходы спешили мрачные и озабоченные, машины привычно теснились в нескончаемой пробке. Её машина была припаркована возле Долгорукого, но пускаться в тягостный путь домой (надо было на метро сегодня ехать, а назад, с поклажей этой, такси взять!) ещё рановато; можно где-нибудь посидеть, полистать приобретённое в тепле и покое. Ближайшая кофейня на этой стороне – большая и шумная, но на противоположной вроде была ещё какая-то, поменьше... Она спустилась в переход и двинулась на поиски.

Уже минут через десять, устроившись за столиком и ожидая свой латте, достала лежавшие сверху гляцевитые книжечки – «Крит», «Кипр», «Сицилия», «Португалия»... Всё это здорово, конечно, но ей никогда особо не нравилось валяться на пляже; ей подавай живые путешествия. Но с Терёхой далеко от отеля не отъедешь, надолго на местных нянек не оставишь, пусть они там и вполне надёжные. Придётся куковать у моря до одурения, разве что Ульяшу позвать к себе на недельку... А, кстати, отчего во всём том полиграфическом многообразии ей «Румынии» не попало, не говоря уже про «Молдавию»? Как же тот выюноша, Савва, сказал про эти края... не вспомнить, как именно, но – со значением, и ему почему-то хочется верить. Ибо самое интересное находится там, где никто и не думает искать, известное дело... А прикольно было б, когда Октавин небрежно поинтересуется – мол, отдыхать-то уже собрались куда? – ответить ему что-то вроде: «Да, в Констанцу на недельку. Потом – в Бухарест, ну ещё в Тимишоару там, туда-сюда. А на обратном пути – в Кишинёв проедем...» Она представила бесконечную протяжённость паузы, которая бы последовала, и лучезарно улыбнулась официантке, принёсшей заказ.

Приятное местечко, подумала Лада, осматриваясь по сторонам, – в меру демократично, в меру респектабельно, никто не дымит и не шумит; мне такое нравится гораздо больше, чем навороченные заведения с навороченными ценами. Причём, дело не в ценах, они-то – вот ведь как всё обернулось – нам теперь вполне позволительны...

Вообще, кто бы мог представить – точно не я! – подумала Лада, что однажды вдруг превращусь в праздную женщину с золотой кредитной картой, с собственной тачкой; квартира – тоже практически целиком в моём распоряжении, у ребёнка – няня на полный день. А ещё – загородный дом с собственным садовником, сторожем и помощником по хозяйству – правда, все эти три роли выполняет одна хрупкая девушка, но тем не менее...

Но ведь в целом-то, надо признать, бытовая повседневность качественно изменилась для всех, даже для не имеющих кредиток и тачек. Что тут говорить – жить вообще стало если не веселей, то удобней и приятней; ещё совсем-совсем недавно, с десяток, ну, может, с дюжину лет назад большинство здесь сидящих даже в глаза не видало обычный йогурт и белый шоколад, киви и авокадо, замороженные морепродукты и даже рафинированное масло в пластиковых бутылках... А все эти памперсы и тампексы, тесты на беременность и зубные нити... Чего там ещё? Пиццы и суши. Специальные корма для домашних животных. Пластины от комаров. Уколы у стоматолога, которые обезболивают по-настоящему, вот чего не забыть!.. Не говоря уж о мобильниках, видаках и компьютерах едва ли не в каждом доме. Многим теперь уже кажется, что так было если не всегда, то издавна. До чего быстро человек («человек-подлец», как у классика) ко всему привыкает...

Вот воскрес бы сейчас Виталич, приземлился здесь, посидел со мной, я бы заказала ему какой-нибудь экзотический сорт чая – чаелюбом он был страстным... Узнал бы, что улица за окнами снова зовётся Тверской, также как Кропоткинская – опять Пречистенка, Ленинград – Петербург и далее везде; и что, например, заброшенный храм в его посёлке прекрасно отреставрирован и в нём идут службы, а недалеко от станции, на противоположной стороне, поставлена ещё и славная часовенка. Ну, а после, покончив с чаями, бы мы уже с ним вернулись в наш любимый книжный. Пускай бы поглядел на штабеля русских философов, на ряды эмигрантов трёх волн, на все эти мемуары и альбомы по искусству, в которых можно закопаться с головой... На всё то, что он выискивал по журналам периода ранней перестройки, ну, иногда уже и покупал в виде плохо, торопливо изданных сборников на скверной бумаге... В общем, всё это, плюс ещё многое, многое – как на блюде и в лучшем виде! Небось, глазам бы своим не поверил. Обмер и замер.

Ну да, подумалось дальше, – сперва бы замер от счастья, а потом – ознакомился с тем, о чём пишут в газетах... увидел, чего кажут по ящику... услышал бы, каким языком при этом изъясняются... Узнал бы, что творится на самом верху; что сейчас в провинции; что случилось с его НИИ и с отраслью в целом... Так вот – лёг бы, пожалуй, отвернулся к стене и представился снова, не иначе. Не надо нам такого счастья, покорнейше благодарим.

Она рассеянно подцепила ложечкой крупную, глянцевитую ягоду ежевики, венчавшую десерт. Вид – будто из мармелада, но на вкус вроде живая... хотя и пресная. Должно быть, такие вот, одинаково-здоровенные, выращивают, как на конвейере, где-нибудь в специальных оранжереях Евросоюза. То ли дело настоящая, лесная – мелкая, сладкая, но с ощутимой терпкой ноткой... Жаль, что в саду у Виталича никогда не росла. Ничего, взамен у нас имеется ирга, ничуть не хуже. Не говоря о малине и чёрной смородине. А также о садовой землянике, которую хорошо бы посадить в этом году. Интересно, к какой ягоде больше благоволят вкусовые рецепторы Томилова?

Последний всплывший вопрос даже рассердил: что ж за фигня постоянно лезет в голову, к чему? Типичный пример идиотского всеядного любопытства, смехотворного по сути, когда одинаково сильно хотелось бы узнать: кто любимый поэт; жив ли твой отец и чем занимается; держишь ли домашнее животное; в какой стране выбрал бы родиться, коли не у нас... – и совсем тривиальное, приземлённое: чай ты пил сегодня утром иль кофейком встречал этот серый мартовский денёк? Кому последний раз дарил презент и какой именно? Что за музыкальный сигнал звучит у тебя в мобильнике?.. И прочая дурная бесконечность.

На что не упади взгляд – всё наводит на мысль о связи предмета с объектом. Неотступные эти гадания не дают ровным счётом ничего – только душу разъедают попусту. А он как был фантомом, так и остался, – даже просидев однажды напротив тебя минут двадцать пять подряд (дотронуться можно!), даже обращаясь персонально к тебе, даже улыбнувшись при встрече и на прощанье вполне приветливо... своей, типа, неповторимой улыбкой. Чуть заметной, чуть рассеянной, чуть застенчивой.

Ну, и что? Ну, и всё. Поминай теперь, как звали. Даже в чём одет был, не отложилось. *Вместо черт – белый провал...* Чёртова литературщина!..

Вот ведь участь, когда в мыслях всё время два фантома: что ушедший в мир иной Виталич, что пребывающий в мире сём, но тебе параллельном – то есть главным образом экранном – Томилов...

И только один Терентий – не фантом, а живая реальность, которую можно держать и не отпускать, тормозить, дуть в затылок, устраивая «взрыв на макаронной фабрике» – по крайней мере, в том цеху, где выпускают лапшу в виде спиралек... И лелеять надежду, что однажды они с ним смогут общаться всерьёз, как равные собеседники. Бог весть, конечно, когда ещё такое случится... Зато сейчас она к нему, малому-неразумному, отправится – и даже Веру Петровну отпустит пораньше. Когда возишься со своим дитятей, о глупостях забываешь. Она подняла руку, прося счёт.

Март перевалил за половину, но если в Москве весна ощущалась давно, то здесь, в посёлке, снег по-прежнему лежал плотно. А ночью опять здорово намело. *Белой женщиной мёртвой из гипса наземь падает навзничь зима*, – мысленно продекламировал Савва, взглянув с утра на двор. Вечно тут будет лезть в голову разная пастернакипь – место такое, думал он, разгребая снег лопатой. А как, интересно, классик справлялся с расчисткой своей подъездной аллеи – неужто каждый раз самостоятельно? Тут, вон, крошечный пятачок по сравнению с его пространствами – и то умяться можно при таких заносах... Впрочем, у гениального дачника имелись домочадцы и даже, кажется, прислуга...

Освобождая от снега дорожку, Савва, однако, раскочегарился настолько, что ему и по завершении хотелось махать лопатой дальше и дальше. Не предложить ли услуги дворника кому-нибудь ещё? Было воскресенье, немного за полдень, но на стороне соседей царило полное безмолвие – похоже, дома никого.

Тогда он набрал номер Юлии и изложил своё предложение.

– А я как раз сама собиралась этим заняться, – пробормотала та, явно оторопев от неожиданного звонка.

– Так не начинайте! Иду к вам...

Машины сегодня нет, отметил Савва, походя к дому на Полежаева. (Неужели подсознательно ожидал увидеть? Признаться, так...) В доме напротив за забором заходила истерическим лаем какая-то шавка. Там на крыльце он различил монументальную фигуру тётки в накинутом китайском пуховике, неотрывно, в упор его разглядывавшей. Что ж, сельская жизнь диктует свои порядки... Савва приветственно кивнул ей, как будто давней знакомой, прежде чем вступить на действительно знакомую и дружескую территорию.

Отсалютовав от калитки Юле, караулившей его в дверях, лопатой: мол, всё при мне, возвращайся в дом, занимайся своими делами, Савва сразу приступил к работе. Шавка смолкла, так что, время от времени приостанавливаясь, он мог слушать замечательную тишину, нарушаемую лишь негромкими редкими звуками: треском ветки, вспархиванием птицы, проезжающей где-то далеко машиной... Впрочем, подобное длилось только до начала дальнего гула очередной электрички, накатывавшего чуть ли не через каждые пять минут. Те электрички, что не останавливались, трубили и грохотали особым образом, Савва уже умел это различать.

Ощутимый шум и почти полная тишина чередовались в строгой последовательности. Летом плотный зелёный барьер всё смягчает, поглощает – но сейчас...

Чуть передохнув, он вновь споро принялся за дело. Не прошло и часа, как ровные, достаточно широкие дорожки были проложены – одна устремилась к крыльцу, две легли по сторонам, под окнами. Он перевёл дыхание, воткнул лопату в самый большой сугроб и начал отряхиваться.

Юля, вновь показавшись в дверях, принялась сбивчиво благодарить и, увидав, что он собирается уходить, жалобно вскричала:

– Заходите же... чай вскипел!

– Да спасибо, Юлечка, я не собирался вас от дел отвлекать...

– Нет, ну как же... Пожалуйста!

– Ну, хорошо – только одну чашку...

В прихожей она сказала:

– Вы раздевайтесь, руки мойте и вон туда проходите, а то я в столовой сегодня с рассадой вожусь, все поверхности заняты...

– Рассада, уже? – удивился он.

– Ну да, маргаритки, табак душистый, сальпиглоссис... ещё кое-что. Ведь март как-никак, пора...

Комната, где он оказался на сей раз, была довольно большой, светлой, окнами на три стороны: справа – на передний двор с плодами его трудов и дальше, через забор, на улицу, слева – на безмолвный сад, полностью занесённый снегом, и прямо – на видневшуюся поблизости, тоже над забором, серую крышу соседского дома. На эту сторону, помимо окон, в стене угадывался ещё один дверной проём, задрапированный какой-то разноцветной, разрисованной занавесью, – стало быть, тут имелся выход наружу, ныне либо заложённый, либо крепко запертый до лета; видимо, туда примыкало (примыкает?) ещё одно крыльцо, машинально определил Савва.

А все простенки в комнате занимали книжные шкафы либо открытые стеллажи; в одном месте стояла даже древняя этажерка, из тех, которые, как ему казалось, давно исчезли из быта. На самом большом книжном шкафу (кажется, это и есть ореховое дерево?), почти под потолком, выстроился ряд неких фигурок, бюстиков, безделушек, чуть ли не пресловутых слоников из допотопной мещанской старины, такой ныне трогательной. При этом у одного из окон стоял письменный стол с компьютером. Да, не дачная какая-то в этом доме чувствуется обстановка, а вполне городская, только слегка такая... старорежимная. Что ему как раз было по душе. И до чего просторно – прямо на большую семью, тоже из прежних каких-то времён...

Савве хотелось подойти и рассмотреть всё поближе, в первую очередь, конечно, книжные корешки – но тут торопливо вошла Юля с чайным подносом и попросила помочь, кивнув на круглый столик возле дивана. Савва снял с него вазу с сухим букетом и учебник – по дендрологии, как значилось на обложке; Юля водрузила поднос на вязаную шаль с кистями, которой столик был накрыт, забрала у него книгу и вазу, куда-то их пристроила, потом зачем-то включила торшер, притаившийся в углу, но тут же и выключила... Наконец, сама присела у письменного стола, развернув вращающееся кресло в сторону него, Саввы, расположившегося на диване.

– Как там Лада, приезжает иногда? – спросил он, опуская в чашку кружок лимона.

– С того раза – нет, звонила только, – ответила Юля ровным голосом, глядя в пол. – Хотела выбраться, но Терентий приболел.

– Ну, а летом они что – живут тут?

– Да. Бывает, – с мая чуть не до октября. С небольшими перерывами. Особенно, если погода удачная...

– Погода дачная, удачная, – пробормотал он, привыкши рифмовать всё машинально. Отпил из чашки и, откинувшись на диванную спинку, сказал: – Юль, а давай уж на ты, что ли?..

– Давай, – согласилась она так же ровно и отстранённо.

– Ты хоть бы о себе что-нибудь рассказала. Я, вон, вроде, свою биографию в тот раз изложил. А ты-то у нас – откуда, прелестное дитя?

Она произнесла название городка, смутно ему знакомое.

– Это ведь наукоград, кажется? А он что – к Московской области относится, или...

– К Московской. Но – на самом краю, отсюда не близко.

– И как там сейчас, неужто вся наука остановилась?

– Почти вся. Кто уехал, кто сменил занятие...

– Грустно. А у тебя там что, родители?..

– Нет, умерли.

– Ох ты, соболезную. У меня – тоже, но ты-то ещё юная совсем...

– Мне уже почти двадцать два, – сказала Юлия мрачно и чуть ли не с вызовом.

– С ума сойти, как много! – улыбнулся он. – Правда, я думал, что тебе не больше восемнадцати где-то... А вот мне – мне летом двадцать восемь стукнет, не шутки.

– Я в универ наш после техникума поступила, – пояснила она, – так что в группе – самая старая.

– Звучит смешно: старая! Но, а вообще, – ты что, получается, совсем одна, или братья-сёстры...

– Брат, – сказала она после паузы. – Только мы не общаемся.

И добавила твёрдо, без экивоков:

– Пьёт.

– Понятно, – сказал он с полагающимся сочувствием в голосе. И тоже добавил, тоже выдержав паузу: – Ну, мне пора. Дел полно. Спасибо за чай, в этом доме заваривать умеют!..

Поднимаясь, Савва повернул голову и только тогда обратил внимание на картину, висевшую над диваном: портрет седого, но крепкого человека с обветренным лицом и каким-то молодым, весёлым взглядом, стоящего на фоне густых еловых веток, в дождевике и сапогах. В ногах сидела охотничья собака, кажется, лайка, не спускавшая с него глаз. Охотник? Вроде без ружья, так что, может, просто грибник, дачник... Неизвестно, что за художник живописал, скорее даже любитель, однако какую-то личностную незаурядность передать ему вполне удалось.

– Это, должно быть, Ладин отец? Или дед?

– Дед, кажется, – рассеянно сказала Юля. – Или дядя...

Когда Савва ушёл, она постояла у окна, глядя на идеально расчищенную им дорожку – от крыльца до калитки. Снег, к счастью, прекратился; бог даст, не один день ещё можно будет любоваться этаким совершенством. Что ж, повезло!.. Но почему всякий раз, как лично с этим «алмазным британцем» пообщаешься, в душе поселяется какая-то досада? Вот бы сейчас послушать снова эту песню, да записи нет...

В столовой загомосил брошенный мобильник. Соседка бесцеремонно вопрошала, кто такой сегодня к ней приходил и с какой целью. Пришлось терпеливо объяснять, потом выслушивать местные новости, скудные и совершенно пустые...

Отделавшись, наконец, от Катерины Семёны, Юля расставила все горшки и ящички с рассадой по подоконникам и принялась устало вытирать-выметать рассыпанные повсюду комья земли. Потом вымыла руки и вернулась в большую комнату, где в окна уже глядели сумерки, задёрнула по очереди все шторы и включила свет. Устало взяла с подноса чашку, из которой он пил, повертела в руках и подумала: тебе, значит, летом будет двадцать восемь? А ей летом будет тридцать два. И тут же сама поморщилась своим мыслям: ну и что из того? Вряд ли ему это так важно. А уж мои обстоятельства, про которые тут расспрашивал из веж-

ливости, – совершенно точно до лампочки. Лада, кстати, в своё время выясняла про них куда дотошней, и приняла ближе к сердцу. Что, впрочем, понятно: надо же знать, кого селишь в своём доме...

Она тогда окончила первый курс, год тяжёлый, полуголодный, и не знала, куда податься после летней сессии, где устроиться, чтоб заработать, наконец, хоть что-то путное на жизнь. И, между прочим, это Тина предложила: знакомая, мол, знакомых (Катерина Семённа, кто ж ещё!) спрашивала, нет ли каких студентов по садовой части, вроде как соседка по дачному посёлку себе подыскивает... Посёлок оказался совсем неподалёку. Участок большой, со сложным рельефом и истощённой почвой; много хвойных, много тени, но и островки-лужайки на солнечных местах; в целом же очень сильно одичавший. В отличие от дома – тоже старого, но свежееотремонтированного (при ней ещё что-то докрашивали снаружи и доклеивали внутри, наводя последний лоск). Молодая хозяйка в хипповом комбинезоне, с распущенными длинными волосами и белобрысым младенцем в кенгурушке, показывала владения: вот самая старая сосна, она, похоже, больна – неужели рубить придётся? (*Увы...*) И весь этот подлесок тоже?.. Малинник вон как разросся, а ягоды – мелкие совсем, что-то с ним делать надо... Беседка тоже разваливается, зато сирень превосходная, а вот – жасминовый куст, мой любимый... (*Тоже мне, жасмин – чубушник обыкновенный!*) А сарай у нас – крепкий вполне, в нём целый склад хозяйственный вмещается... А тут для шашлыка у нас площадка, дальше обычно немного тюльпанов и нарциссов сажаю, но не в этом году. А вот здесь я грядки с зеленью всё-таки разбила, вроде света много, но что-то плохо у меня всё растёт... (*Ещё бы – здесь явно завоз нормального грунта требуется.*) Короче, мне нужен человек понимающий, способный оценить, так сказать, размер бедствия и объяснить, какая тут перепланировка возможна и с чего, вообще, следует начинать...

Весь июль Юлия приезжала почти каждый день, возилась с тем, что было, привыкала, наблюдала, старалась *вчувствоваться*. Измеряла, черкала в блокноте. Потом, узнав, что в доме есть компьютер, попросила доступа и изобразила в цвете все свои четыре варианта по переустройству. Над ними они просидели до ночи. Лада загорелась самым смелым, если не сказать безумным, и точно самым дорогостоящим, с сухим ручьём и рокарием; следующей весной было решено приступить.

В тот раз она впервые оставила её ночевать, а вскоре предложила перебраться жить до осени – работы текущей хватало, чего туда-сюда мотаться. А потом, в конце августа, оставила одну в доме на две недели, отбыв в Италию...

Когда начался учебный год, Юлия продолжала приезжать по выходным – сажала многолетники и луковичные, сгребала листву и обкладывала посадки... За сентябрь и октябрь ей было заплачено столько же, сколько за каждый летний месяц. Так много денег на руках не оказывалось ещё никогда. Правда, и покупок тогда как раз требовалась прорва – и куртка зимняя, и сумка новая, джинсы и ещё масса разного по мелочи. И, главное, первый мобильник – без него уже было никак!.. И всё равно оставалась приличная сумма на жизнь – жизнь, а не существование на ту смехотворную стипендию и нечастые приработки. Теперь можно протянуть до самой весны, а там её снова поджидает такой же классный заработок, хотя и дел, пополам с экзаменами, будет просто-таки ой-ёй...

Тогда-то Лада и спросила прямо (они сидели у костерка, жгли сучья и всякий мусор) – отчего это она, юная девушка Юлия, готова работать всё лето, всю осень без отпуска, без перерыва, и даже ни разу домой не съездит – ведь там, вроде, брат, какие-нибудь друзья детства наверняка? Ведь городок-то её родной – можно сказать, рядом?..

Юлия молча подкидывала сухие ветки, уворачиваясь от искр. Родной городок... когда-то родной... Что и говорить, место замечательное; хотя, попробуй, объясни, в чём его прелесть. Почти никаких скверов, садов и вообще посадок (хотя нет, голубые-то сербские ели на центральной площади прижились; но это всё вкрапления эпизодические) – а почему? –

а потому, что строился целиком в лесу. Точнее, встраивался в лес, и, удивительное дело, довольно бережно встроился. В результате – чего тут особо подсаживать, ветки и так всюду в окна заглядывают: и хвойных много, и осины, и рябины, и даже орешник одичавший встречается... Дома, конечно, – многоэтажки, но столько разных серий с интересными планировками, такие и в Москве-то, неизвестно, встречаются ли?

В шестидесятых, семидесятых (когда родители туда попали по распределению) – место известное, модное, стильное, на западный манер: теннисные корты, бассейны, кафе всякие; да и в магазинах снабжение по тем временам считалось отличным. А какие лектории, библиотеки – то Аксёнов припожалует, то Жванецкий, то Высоцкий с концертом заявится, то Никитины поют... Всё для вас, дорогие товарищи учёные, молодые и не очень!

Товарищи учёные ощущали себя солью страны, излучали неподдельный энтузиазм. Который особенно полыхнул в перестройку; даже отец, тогда молодой завлаб, куда-то там выдвигался, мотался в Москву на митинги... Вот и доизлучались. Самого же отца потом и подкосил полный развал его института, не оттого ль и разболелся, и умер рано?..

Но детство – детство было просто безмятежное. Обычная советская семья – мама-папа-старший брат. Ясли-сад, школа, Дом детского творчества. Летом – подмосковный пионерлагерь, а потом с родителями – то Прибалтика, то Крым, то Пицунда. Братец всё время ею командует, иногда вредничает – но ведь старшие вечно пытаются третировать младших, всё в пределах нормы. Тем более, когда он начинает совсем зарываться, родители одёргивают решительно; так что её всё это почти и не напрягает. Витька вообще-то неплохой по натуре, просто – взрывной, неусидчивый, обожающий устраивать всяческий тарарам. Витька занимается плаваньем и лыжами, в его гоп-компании все бренчат на гитарах, гоняют до снега на велосипедах, фотографируют и проявляют плёнку в домашних условиях. У неё свои интересы – рисование, макраме, икебана, гербарии. Спецшкола у обоих математическая; Юля математику не любит, но твёрдые четвёрки получает исправно. Витька в точных предметах успевает получше, но в целом тоже не отличник. Он отнюдь не глуп – просто обычная расхлябанность подростковая, которую родители проморгали, пропустили из-за политической вакханалии, так их захватившей; ну, и всего того, что за ней последовало. Старайся он побольше, учись получше – всё сейчас, наверно, могло быть по-другому... Но отца не стало, а Витька, закончив школу, в институт баллов не добрал. Ну, и отправился в армию, да не просто в армию – в Чечню, как оказалось...

Волевались, переживали, понятно, страшно. И когда, наконец, вернулся живой и практически невредимый (ранение было, но, к счастью, пустячное) – казалось, всё теперь позади. Мать прекраснотушно рассчитывала, что он пойдёт работать и учиться, и жить (НИИ её к тому времени практически умерло, она смогла найти работу только в школе, низкооплачиваемую, с непривычки тяжёлую) станет полегче, повеселей, ну хотя бы – спокойней и надёжней!.. Ага, спокойней. Настолько спокойней, что и знать не будешь, куда бечь...

Это материно прекраснотушие, привычка до последнего не видеть ничего плохого, всегда находить всему удобное объяснение, оправдание – Юлю раздражало издавна. Как и эта тошнотворная банальность, которую та не преминула изречь, когда Витка провалился при поступлении: «Ну и ничего, каждый парень должен отслужить, чтобы стать человеком!» Каким таким, мама, человеком он может стать, если первый год будут гнобить его, а второй – гнобить он сам? А тут ещё и настоящие военные действия...

Короче, когда эта смесь тупой агрессии и острого истеризма в Витькином облике воцарилась в доме в ранге хозяйина, мать по-прежнему уговаривала себя и дочку: ничего, ему надо освоиться, привыкнуть к нормальной жизни, ведь столько перенёс, бедный, ну и так далее. Когда всё же попыталась показать его психологу – огребла по полной за одно только намеренье... Продолжала, вздыхая, покорно стирать-готовить на домашнего тирана, который искать работу, похоже, и не думал, целыми днями тупо просиживая с пивом у телеящика в бывшей

их детской, из которой сестру сразу выставил, только по вечерам уходил куда-то к друзьям – то до полночи, то до утра... Хоть бы он однажды уже не вернулся – такие мечты начали возникать достаточно скоро; а и как не начаться, если при нём даже простой выход на кухню из их с матерью комнаты сопровождался тревогой и опасением? Кто-нибудь представляет, каково существовать в собственной комнате, как в клетке? Похуже, между прочим, любой гнусной коммуналки...

Потом дружки стали приходиться к уже нему, к ним, и теперь, как правило, не с пивом, а с чем покрепче, известное дело; тут, наконец, и до матери дошло, что так жить невозможно. В конечном итоге им пришлось буквально сбегать – собрав в течение одного дня только самое необходимое... До сих пор жалко, что в окне-фонаре, где у неё был целый зимний садик, осталась, в числе прочего, любимая азалия. Которой она так старательно обкладывала корни снегом с улицы и льдом из холодильника, что эта хрупкая капризница расцвела вторично – и до невесты пышно! Всё было зря, всё, разумеется, погибло...

Их пустила жить к себе в знаменитый городской «Дом-муравейник» давняя подруга семьи, что перебралась в Москву, замутив там с кем-то на пару какой-то бизнес. Денег за съём с них не брала (а у них в любом случае не было), только квартплату вносили, за свет и прочее. Повезло, в общем. Мать с ностальгией вспоминала, как они с отцом, поженившись, в этом же самом доме получили такую же однокомнатную, и какая была жизнь весёлая и беззаботная. Как потом, когда родился Витька, им дали двухкомнатную, но такую просторную, в доме серии «Пентагон»... Где родилась потом она и откуда теперь пришлось так спешно съехать.

Разве можно было вообразить такое, постоянно плакала мать. А вот нечего было всё время верить в лучшее, закапываясь в эту дурацкую веру, будто страус в песок, думала Юля. В этом ей виделся какой-то постыдный инфантилизм.

Мать внезапно умерла от инфаркта, когда Юля уже училась в техникуме, на озеленителя. Деньги на похороны собирали всем миром, если б не школа и не та самая благотельница, подруга семьи – страшно подумать, что было б, настолько цены на это дело стали разорительными. Витька, разумеется, не дал ни копейки (да и откуда б?), зато устроил на поминках пьяный скандал...

– Ничего себе! – потрясённо произнесла Лада, когда она ей кратко (совсем кратко!) всё это изложила. – Но ведь ты там прописана... имеешь полное право на жилплощадь...

– Чтобы каждый день его маты выслушивать?

– Я имею в виду размен.

– Да он и слушать не станет. К тому же – квартира теперь совсем убитая, вряд ли бы кто позарился...

– Да-а, ситуация, – протянула Лада. И добавила: – Наверно, скажу банальность: жениха б тебе хорошего найти, москвича. Все бы проблемы тогда и решились...

Юля лишь плечами подёрнула. Конечно, банальность, да и с ложной притом предпосылкой. Она-то уже точно знает: полагаться нельзя ни на кого, кроме себя. Самый лучший человек может измениться так, что и не узнать будет, потому попадать в зависимость от близких – шаг опрометчивый. Впрочем, тебе и таким, как ты, это вряд ли понять – благополучным, абсолютно защищённым и уверенным в завтрашнем дне...

Лада, между тем, немного помолчала и сказала:

– Слушай, а хочешь, оставайся здесь, живи всю зиму, если не побоишься, конечно. Я-то много раз одна ночевала, и нормально. Иногда только бывало: странные какие-то звуки сверху, вроде как гул еле-слышимый такой, даже не по себе слегка... Оказалось – это снежная масса при оттепели с крыши так тихонечко-тихонечко съезжать начинает... А вообще тут спокойно, и соседи нормальные, сама видишь...

Юля подумала, вспомнила общагу со всем её бардаком (в техникумовской, как ни странно, было и то лучше), громкую восточную музыку, которой, пополам с запахом анаши,

замучили соседи-студюозусы с солнечного Кавказа, и решилась. И ни разу пока о том не пожалела. Наоборот, оценила, насколько ей повезло.

Впрочем, выгода у них с хозяйкой-работодательницей – вполне взаимная. Так что можно просто сосуществовать на паритетных началах и в душу друг другу не лезть. Ни к чему это совершенно.

На верхней палубе, где был сервирован фуршет, оказалось ужасно холодно; с другой стороны, чего же ждать от начала апреля? Лада поняла, что оделась, может, и уместно, но всё же чересчур легко. Теплоход только что отчалил от Краснопресненской набережной, откуда ещё неслись последние аккорды военного оркестра, сопровождавшего открытие навигации. Пёстрая публика, в которой она уже успела заприметить пару медийных персон, принялась веселиться сходу; некоторые, впрочем, прихватив тарелки-бокалы, спускались по лестнице вниз, погреться.

Раздался возглас: «Ну что, будем Белый дом брать?»; ответом стали приветственные вопли, а кто-то рядом принялся рассказывать, что мэрия уже обвинила хозяев этого плавучего клуба-ресторана, названного «Крейсер Аврора», в провокации, и запретила останавливаться у городских причалов.

Москва проплывала мимо серая, мрачная; такое уж время года, ничего не поделаешь. Через месяц-полтора, в мае, будет совсем другое дело, да и после неплохо. А уж если бабье лето выдастся удачным...

– Позвольте? – раздалось над ухом. Стюард предлагал ей плед, который, оказывается, начали разносить дамам.

Очень кстати!.. Закутываясь, Лада заметила, что её исподтишка разглядывает, попивая шампанское, пожилой господин, и даже узнала, кто это – знаменитый адвокат, часто мелькающий по ящику как в специальных передачах, так и в дурацких шоу. Боже, какие серьёзные часы на запястье; что за манжеты, запонки, зажим для галстука! А костюм, небось, пошит в Лондонграде, не иначе. Сам же обладатель выглядит как-то мельче, невзрачней, чем на экране; кажется, так оно всегда и бывает. Хотя, Томилов...

Лада отказалась развивать промелькнувшую мысль, взамен постаравшись взглянуть на себя глазами сего адвоката (который, конечно, успел её просканировать до того, как задрапировалась поданным кашемиром): девушка среднего роста, облачённая в комплект из топа, рукав реглан, и зауженных брюк, цвет – «пыльная роза». Не первой уже юности девушка; пожалуй, приятная, однако, какой-то неформат в ней чувствуется... Толстой, конечно, не назовёшь, но пару-тройку кило можно было б и сбросить. Волосы неплохие, масти – ближе к светлой и, кажется, свои, натуральные, но чёлка, пожалуй, слегка отросла, вон, в который раз её поправляет; а пальцы-то, кажется, даже без маникюра, виданое ли дело! Или, может, это новая мода теперь у них – бесцветный лак, естественный вид? И макияжа почти никакого – оно, впрочем, даже по-своему хорошо, непривычно только... В общем, пригламуренна – но как-то не до конца, не полностью. И, похоже, – одна тут совсем, что странно.

– Простите, мы, случайно, не знакомы? Я могу запомнить...

– Боюсь, нет.

– А... вы что же, без спутника?

– Спутник, увы, бросил и удалился по своим делам...

– Как можно!..

– А, впрочем, на ловца и зверь...

Лада кивнула на Октавина, что неторопливо протискивался к ней через толпу, небрежно помахивая кистью взмытой руки. И, как всегда, напоминая своим вежливо-сдержанным неудовольствием на челе какого-то киноактёра для характерных ролей.

Господин адвокат приподнял брови, переводя глаза с него на Ладу: похоже, Октавина он знал, и видеть его, должно быть, привык с несколько другими спутницами.

– Прости, задержался, – отрывисто бросил Октавин, подходя. – Пойдём вниз, стол заказан.

– Андрюша, привет, дорогой!..

– Здравствуйте, Викентий Матвеевич.

– Может, познакомишь со своей очаровательной дамой?

– Лада Алексеевна – мать моего сына. А тебе, думаю, господина Дальского представлять не надо?..

– Конечно. Очень приятно...

– Так вон оно что! Замечательно. И сколько ж у тебя, мой милый, этих сыновей-то?

– Да немного. Всего четверо.

– Ого! Ведь и дочки, кажется, есть?

– Не без того.

– Хо-хо! А вы, Лада (можно мне, старику, вас по-простому, без отчества?), чем занимаетесь?

– Пока – сыном, – сказала она. – А через месяц ещё огород прибавится...

– Замечательно! Самые достойные занятия для женщины. Вот бы все...

– Боюсь, Викентий Матвеевич, мы вынуждены вас покинуть...

– Конечно, Андрюшенька! Ступайте, милые, подальше из этой Арктики. Я скоро тоже...

Они спустились вниз, в ресторан с революционно-конструктивистским интерьером.

– А кухня, что, в духе военного коммунизма? – предположила она, усаживаясь за столик в, слава богу, тихом уголке.

– Тут итальянская, кажется, – ответил Октавин, рассеянно заглядывая в меню. – Не против?

– Ты же знаешь, я согласна на всё, кроме гадов морских и собачатины. Закажи сам что-нибудь, ладно?.. Ну, а теперь полюбуйся на младшего инфанта. Последняя фотосессия, – добавила она, когда официант отошёл.

Октавин, сделав заинтересованное лицо, принялся листать снимки, но почти сразу же зазвучал Бах, и он отдал ей телефон.

– Ты где? – Голос маман, как обычно, излучал онтологическое безадресное неодобрение всему и вся. – Я звонила по городскому, никто не берёт трубку!

– Ничего не случилось?.. А, да всё в порядке, они ещё с прогулки не вернулись... Я? Я на пароходе. Меня вот Андрей Сергеич сегодня выгуливает...

– Андрей Сергеич? – Тон у маман заметно смягчился, появились чуть ли не заискивающие нотки. – Очень любезно с его стороны. А... Вера Петровна, что, задержится, если ты вернёшься поздно?

– Да, мама, мы договорились. Хорошо, передам. Ладно. Ну, давай, потом созвонимся... У неё прямо чутьё на твоё присутствие, – пробормотала она, отключившись. – Обычно звонка не дождёшься, а тут вдруг без всякого повода...

– Анна Николаевна? Надеюсь, она в добром здравии?

– О, да. Чую, меня ещё ждёт разнос, что согласилась занять твоё драгоценное время, чтобы докучать своими мелочными проблемами. Для неё серьёзные господа вроде тебя носят ореол особой святости.

– А я не тяну, по-твоему?

– Ну, что ты! Это даже не обсуждается. Кто ж ещё, если не ты!.. Правда, у неё – и несерьёзные господа... короче, почти все, кто штаны носит, – априори во всём правы и требуют предельной почтительности.

– Верный подход, – самодовольно усмехнулся Октавин, откидываясь на спинку стула, чтобы не мешать официанту. – Она у тебя, как я заметил, – высшей категории душечка.

Душечка была хотя бы доброй и простодушной, – подумала Лада и произнесла:

– Это точно. Если б у вас с ней нашлось время для взаимного общения, она бы быстро прониклась проблемами предоставления логистических услуг в высокотехнологических отраслях, и начала давать советы...

– А, кстати, вспомнил! Моя родительница тут чего-то говорила, что хочет вас с мелким позвать к себе – то ли на майские, то ли ещё когда... Уважишь старуху?

– Конечно... Кокин, кстати...

– Я не понял: что за кличка у него теперь такая?

– А, это всё Ульяша. У неё ж по матушке корни на Севере, в Вятке. Там в местных говорах крестная мать называется «кока».

– Да уж, звучит. А Ульяша, что – всё продолжает воевать с субпрефектами по поводу парковок и протекающих крыш?

– Ещё как! Не всем же светской хроникой пробавляться. Она б тут сейчас поглядела по сторонам и выдала памфлет в духе «А буржуазия между тем разлагалась»!

– Достойная девушка. Как лазанья?

– Фантастика.

– Тогда – за тебя.

– Спасибо. Ты сегодня очень мил...

В полупустом вагоне дневной электрички Савва занял место у окна. Сидевшая напротив студенточка сначала медленно перелистывала свою зачётку, потом долго разглядывала себя в карманном зеркальце. Видимо, ни то, ни другое её совсем не порадовало, отчего она грустно нахохлилась и задремала под стук колёс. Савва смотрел в окно, за которым неожиданно пошёл снег, да чем дальше, тем гуще – в конце-то апреля!..

От проплывающих окрестностей невозможно было оторваться – снег всему придаёт таинственности, хотя для него они всегда и без снега таинственны, даром что уже стали привычны глазу. Как там? – *Меня влекут дороги Подмосковья, как будто в них... закопан древний клад?.. Или – в них я закопала клад?* Точно не вспомнить, но чувство именно такое. Неудивительно – ведь земля эта, как-никак, и не в обиду вам, Анна Андревна, для матери-истории будет поценнее ваших питерских широт...

Вот только подумать – селились, как раскопали учёные мужи, со времён тут воистину незапамятных – аж пять тыщ лет назад, вообразить нереально. Финно-угры – как вроде бы считается, назвавшие главную тутошнюю реку Моск-вой («вода, сырость») ... Славянские вятичи с кривичами, чьих костей из местных языческих курганов, вместе с бронзовыми поясными пряжками, височными серебряными кольцами, гривнами из витой проволоки предостаточно лежит под стеклами местных краеведческих музейчиков, и чья версия «моск» – мозглый, промозглый, сырой, топкий, слякотный – нам лично представляется более близкой к истине... Наконец, ещё вроде и представители балтийских каких-то племён – короче, все те, что, благополучно перемешались в тесто, из коего, собственно, и выпеклось нечто, названное после великороссами. Из этих, стало быть, дрожжей, на этих самых равнинах...

И сколь бы, значит, мелкое селение на упомянутой реке, от которого в данный момент удаляемся на северо-восток, ни ширилось, ни укреплялось, и кем бы столь же бесконечно ни бывало оно атакуемо – всё это, похоже, не слишком задевало здешние, окружавшие его, поселения – редкие, точечные... Ибо – несложно насельнику схорониться вместе с нехитрым скарбом там, где не пройти никакой неприятельской коннице: тёмный ельник, сосновые боры, волшебные берёзовые рощи, но чаще всего – нескончаемый смешанный лес, с глубокими овра-

гами, потайными охотничьими тропами, болотами, где до сих пор можно запросто согнуть без следа...

Потом всё, конечно, разрослось – постепенно, очень постепенно – монастыри, крупные сёла на торговых путях: те же Мытищи с пресловутым чаепитием, та же вотчина боярина Морхинина по прозвищу Пушка – основателя рода, откуда наше всё... Ведь не один же неизменный Ганнибал, только и поминаемый, аж достали, в этом роду имелся; Ганнибал-то как раз – эпизодическое лицо с материнской линии, и только; просто оказалось лицо это в ряду прочих самым заметным по причинам чисто физического свойства... *вот и вся вам недолга*, – мысленно подытожил Савва и вспомнил, что между прочим, в селе этом, Пушкине, где хлеба давно никто не сеет, коров не держит и даже рыбы, поди, в узкой, извиистой и холодной реке Уче не ловит, – проживает, как он где-то недавно читал, прямой потомок того самого Пушки – девочка Лена, школьница; а может, уже студентка, время летит... Он, Савва, о том ещё не знал, когда побывал там однажды проездом. Село особо не впечатлило – кварталы одноимённого города, с которым оно слилось, подступили практически вплотную, вместе с вездесущим Макдональдсом, исказив все, какие можно, пейзажи... Бело-синий Храм Николая Чудотворца, правда, стоит высоко, стоит прекрасен, стоит прямым свидетелем старины... но, кстати, какой? Всего-то конца семнадцатого века, тогда как эта Лена Пушкина – сама по себе – свидетель, получается, века примерно четырнадцатого; не слабо так!.. Интересно, что можно чувствовать, кем себя ощущать, с рожденья обитая ровно в том самом месте, которое шесть с лишком столетий назад уже точно принадлежало твоему легендарному предку? Мало, надо думать, кому на свете выпадает подобное.

...Однако, как бы с тех давних времён всё оно тут ни строилось, ни разрасталось, ни множилось – лесов хватает по-прежнему, и плотность населения, стоит заметить, до сих пор невелика; всё жмётся к магистральным путям-дорогам, теперь вот и к железной, которой, кстати, немногим больше сотни лет.

Он попытался представить, как всё здесь обстояло, выглядело это бурное столетие назад. В общем, легко: редкие станции, деревянные настилы, паровозные гудки... Прибывающих господ, сплошь чеховских да бунинских персонажей, поджидают извозчики и доставляют, через лесные просеки и засеянные поля, в дачные посёлки – дивные дачные лопахинские посёлки, как бы там на них ни сетовал Антон Палыч; уж нам-то теперь можно судить по оставшейся малости...

От посёлков тех и образовались потом всевозможные подмосковные городки – когда слились в просторные зелёные агломерации с деревеньками, помещичьими усадьбами, слободами ткацких фабрик, фаянсовых заводов, паровозных депо... Славные, судя по не столь давним фотографиям, были поселения – покуда их не принялись уродовать ускоренной индустриализацией и типовым социалистическим строительством, так что в лучшем виде, в пору расцвета, просуществовать дано им было где-то с полвека, не больше.

Могла б, небось, вся эта местность развиваться как-то более по-человечески – и пейзажи теперь были б поприглядней, поухоженней, и не преобладало бы в них сейчас панельное убожество вперемешку с – то тут, то там – новорусским кичем, скверным подражаем Европе; чего говорить!.. Но сетовать поздно. Главное, – всё равно ведь душевные, невзирая ни на что, ландшафты; близкие, практически родные уже места... Прародина.

А вот (продолжим свои фантазии) воскресни здесь и сейчас те, столетней давности, и господа, и мужики на телегах, и путевые обходчики в картузах – как бы среагировали они на эту, проплывающую за окнами, действительность?.. Поразмыслив, он неожиданно для себя пришёл к выводу: да нельзя сказать, что так бы уж и ахнули.

Ну, в самом деле: машины, автомобили? Внешний вид и количество – это да, но не сам же факт – автомобили они в принципе, скорей всего видали, знают.

Силуэты торчащих новостроек? Высота и количество – безусловно, поразить способны. Но, ведь, с другой стороны, – не сама ж по себе многоэтажность, многоквартирность? В те времена – тоже не экзотика.

Буйство рекламных огней в сумерках? И тогда в Москве, пишут, по праздникам иллюминация бывала не слабая.

Самолёт в небе? Аэроплан они, опять же, видали; не видали – так слышали от тех, кто видал...

Ну, что ещё? А, вот: мобильники, по которым все кругом болтают без умолку! Это – пожалуй; это для них будет непостижимей телефонной трубки в господском доме: барышня, соедините!..

Кстати, о барышнях. Женский пол – почитай, поголовно в штанах, от малюток до старушек!.. Вот где, на самом деле, шок; вот что, вероятно, поразило бы их всех наповал ничуть не меньше беспроводной связи...

А в остальном... Те же рельсы, те же, за окнами, речушки-поля-перелески, те же иной раз мелькающие луковки церквей, да и батюшки в бессмертных чёрных византийских одеяниях, наконец, с которыми время от времени вполне можно столкнуться в вагоне ли, на перроне... И даже названия станций в большинстве своём, как ни странно, не изменились – все эти Клязьмы да Мамонтовки, Ашукины с Абрамцевыми, Перловки, Тайнинки...

Короче, возвращаясь к тем, столетней давности, аборигенам: пускай бы им тут всё наверняка и не понравилось, а вот, однако ж, – узнали бы места родимые вполне. Вывод не может не радовать. Ему, Савве, нравится преемственность как таковая, почти во всём. По нему – так просто замечательно, когда спустя целое столетие – и какое! – из всех бытовых перемен лишь пара-тройка технических новинок да манера одеваться смогли бы всерьёз неприятно поразить непосвящённых.

По нему – вот бы ещё и век спустя всё тут примерно таким же и оставалось, и миновали бы *самую милую* (опять стихи, кто не в курсе) местность – и глад, и мор, и бомба, и климатические катаклизмы, и, что не менее опасно, тупое желание мегаполиса, ненасытного чудища, поглотителя пространств, расплзаться дальше и дальше, подминая и пожирая всё кругом... Боже, пронеси!

Да, но а если даже, по чаяньям его наивным, всё так и сбудется – найдётся ли тогда парень или девчонка, что, сидючи в каком-нибудь сверхскоростном своём экспresse двухтыща сто пятого-десятого года, – пускай бы и оплакав в мыслях ушедшее – сможет тем не менее кротко признать: а ведь, ничего, могло быть и хуже?... Вряд ли, конечно; но кто его знает...

...Очнулся он вовремя – ещё чуть-чуть, и проехал бы остановку, предаваясь своим досужим видениям. Уже на перроне, в круговерти этой странной весенней метели, снова подумалось: как хорошо и правильно, что теперь мой дом здесь. Молдавия останется любовью неизменной (как и Италия, впрочем, – по-своему); но вот на этих пространствах – корни, с которыми удалось, наконец, воссоединиться. И, надо надеяться, – окончательно.

Вряд ли кому из московских друзей-коллег-космополитов дано такое ощутить, понять – ну, да и бог с ними; мы их любим не за это, в конце-то концов...

Лада вышла за ворота после обеда и неторопливо двинулась – но не на станцию, а в противоположную сторону. Спокойный серенький будний денёк, то, что надо: дороги просохли окончательно, но листья пока не распустились, лишь иногда встретишь дерево в зеленовато-серой дымке чуть приоткрывшихся почек... Хорошо, что успела поймать этот момент; Вере Петровне совсем не нравится бывать здесь в такое время года, но она-то давно планировала пройти по посёлку, разглядеть до наплыва зелени, всё ли на месте, есть ли какие перемены... Последние года три никак толком не получалось.

Родная Полежаева как вымерла: кто на работе, кто нося наружу не кажет. Чем дальше идёшь, тем непривычней: то ли новые жильцы въехали, то ли дети прежних умерших хозяев повзростали, всё поменяли – ничего и никого не узнать. Да ещё заборов этих нагородили невозможных, сплошных!.. В детстве, когда они куда-нибудь неторопливо шли с Виталичем, частенько поедая на ходу карамель под названием «Гвоздика», фанатами коей были оба, то чуть не с каждого участка доносились приветствия: всё было видно на просвет через сквозные деревянные оградки или сетку-рабицу. Вот в этом, например, тёмно-красном домике с двускатной крышей и крошечным белым балкончиком, точнее в его палисаднике, летом всегда росли пионы немислимой красоты и пышности; Виталич говорил, что в Китае их ценят выше роз, и она охотно с китайцами соглашалась. А теперь и не узнать, высаживают ли их тут по-прежнему – за монолитным угрюмым забором можно разглядеть только новую крышу из металлочерепицы и тот самый балкончик, слава богу, оставленный робким приветом из прошлого. Кто же здесь обитал, разводил эти пионы? Кажется, некая благообразная пожилая пара, супруг – бывший врач, если она не путает, плюс наезжавшие из города дети-внуки... Кто обитает теперь – бог весть; можно, впрочем, справиться у Катерины Семёны...

А вот этот двухэтажный зелёный дом на две семьи, но с общим, ничем не перегороженным садом – не изменился, пообветшал разве что. Когда-то летом комнаты сдавали дачникам, множество детей носилось на велосипедах, стучало мячом по стене сарая, обрывало кусты с недозревшей смородиной, а она, Лада, приходила сюда покачаться на тарзанке. Тут и подружилась с одной толстой девочкой в кудряшках, года на два старше, и та ей рассказала, откуда берутся дети. Что показалось тогда полной чепухой и глупостью, не заслуживающей даже внимания... Где теперь, интересно, та осведомлённая толстушка, как сложилась её судьба?.. А вот в следующем доме, похоже, живут теперь полные маргиналы – мусор прямо под окнами, гадость какая, забор практически обвалился, а от сарая осталась гора обугленных досок и листов железа. Позор улицы Полежаева!

А дальше – дальше Полежаева, собственно, кончается, упираясь в перпендикуляр Бродвея – так они с Виталичем именовали следующую улицу, игнорируя скучное казённое название. Бродвей тогда был негласным центром посёлка, здесь последовательно располагались: почта, отделение милиции, пара каких-то невнятных контор, затем – аптека, парикмахерская, магазинчик канцтоваров и игрушек «Машенька», продовольственный, булочная, что-то ещё... Летом добавлялись киоск «Мороженое» и бочка с квасом: какое мороженое, какой квас – разве сравнить с теперешними! Зато и хвосты туда тянулись изрядные, по жару-то... Некогда любимая «Машенька» ныне, увы, обернулась прозаическими «Хозтоварами», советский продмаг стал обычным минимаркетом, а вот парикмахерская – знай наших! – преобразилась в салон красоты «Идеал», чью вывеску украшает профиль восхитительной брюнетки, лениво разглядывающей свои кроваво-красные ногти-когти...

Она двинулась туда, где на перекрёстке Бродвей слегка расширился, образуя нечто вроде маленькой площади. В её центре, в крошечном скверике, который в разные годы являл разные степени ухоженности, – стандартного вида Памятник павшим. Однажды она от нечего делать почитала весь список полустёршихся фамилий и обнаружила: Кузнецовых числилось больше всего – не зря именно они, а вовсе не Ивановы, по статистике самая распространённая в России фамилия. А стоило напрячь внимание и сопоставить инициалы, то получалось, что из посёлка и его окрестностей с последней большой войны не вернулись три родных брата Кузнецовых, затем один сын первого из этих братьев, три сына второго и семь – да, семеро сыновей! – третьего... Четырнадцать, стало быть, ближайших родственников, плюс к тому ещё двое Кузнецовых, которые, согласно инициалам, вроде как сами по себе. Шестнадцать душ, вот так-то. Кроме того, значится единственная в списке женская фамилия – Ковалёва. (Медсестра?) А сколько ж, подумалось, Кузнецовых-Ковалёвых не вернулось, поди, с большой предпослед-

ней, Империалистической, а сколько – с маленькой, Финской, войн; а сколько ещё и из лагерей... Но про то местная история умалчивает.

Сейчас у памятника – ни цветочка; вокруг небрежно припарковано несколько машин, но движение тут совсем небольшое, никаких зебр и светофоров нет и в помине. Дорогу время от времени спокойно пересекают старушки с сумками на колёсиках, мамашки с детками, стайки школьников (школа недалеко, через переулочек), славно оживляя серенький денёк своими яркими куртками-ранцами-кроссовками. Да, Бродвей – по-прежнему самое бойкое место; чем дальше, тем будет пустынное...

Небольшой рынок – в конце улицы. Раньше то было пространство под открытым небом, где летом скромно торговали местными огурцами, кабачками, всякой садовой ягодой; ближе к осени начинались яблоки, махровые разноцветные астры, крепкие, гладкие, словно искусственные, гладиолусы, а также всякие замечательные грибы из лесу, сырые и сушёные, в связках. Ну, что ещё? Картошка, семечки, чеснок... Всё своё. Теперь здесь базарчик, заставленный разномастными палатками со стандартным товаром, произведённым где угодно, только не поблизости. И народу – полтора человека.

После базара дорога расходится на три рукава; и куда ж нам плыть? Влево пойдёшь – там техникум (теперь, небось, по обезьяньей моде уже переименованный в колледж), в который весёлые ребята гурьбой и с гиканьем валят с электрички утром и после обеда назад. Приятный там, кстати, учебный корпус, построенный в пятидесятые в стиле «сталинский ампир», с ложными колоннами. Деревянная общага за ним давно обветшала, потом и вовсе погорела, и вместо неё построили новую – за линией, в городе, что поспособствовало большому покою и порядку в посёлке. А пройти за этот корпус дальше – будет ещё целый переулок из аккуратных стандартных домиков, выстроенных для преподавателей – одноэтажных, на две семьи, со всеми удобствами, что в годы их постройки было делом довольно редким. За много лет каждый оброс садом, перекрасился, обрёл собственный вид и характер – как славно, что их успели возвести ещё до нового массового строительства, иначе, небось, сейчас бы там тупо торчала серая коробка.

Однажды она спросила Виталича, почему при злом Сталине строения возводили какие-то более человечные, чем при Хрущеве-освободителе? Ведь даже у встречающихся старых барачков – интересные продолговатые окна и портики, незамысловатый, но и не без изящества, декор; а что за уныние началось после... Виталич похвалил её за наблюдательность («Соображаешь, Лексевна!») и рассказал про историю борьбы с архитектурными излишествами и про то, как у одного местного мужичка, строителя, специалиста по оформлению фасадов, как и у всех рабочих его квалификации за ненадобностью сняли тогда высший разряд, и зарплату срезали существенно, отчего тот в результате в профессиональном плане опростился, а в бытовом – опустился и спился. (А как-то в другой раз, во время долгой прогулки, Виталич показал ей его дом со сложнейшей резьбы наличниками и подзорами, с причудливыми фестоном на воротах; ну почему она тогда не запомнила улицу? С тех пор не набрела на тот дом ни разу. Может, потомки несчастного хозяина по глупости перестроили его до неузнаваемости? Или тоже скрыли за одной из монолитных оград? Поди, узнай теперь; а как жаль!)

...А если прямо – потянутся старинные, по поселковым меркам, улочки, где некогда снимали на лето комнаты и скрипели перьями (и лишь продвинутые, поди, стучали на машинках!) советские писатели вроде Фурманова, Панфёрова, Гайдара, Паустовского... Даже Ильф с Петровым, кажется, засветились... И приведут эти улочки к современному неорусскому храму, возведённому накануне революции одним из учеников Васнецова. Вновь, не так давно, ожившему, удивительному...

И всё же – нет, решила Лада, это будет прекрасно, но предсказуемо, как по накатанному; лучше пойду-ка я сегодня направо, то бишь по титульной улице Старых большевиков. Титульной та, конечно, была меж революцией и войной, когда посёлок именно так и именовался (сюда,

говорят, однажды Троцкий собственной персоной заезжал к кому-то в гости). Виталич всегда употреблял только то, прежнее название. Сколько раз, доставляя её домой после театра, или Третьяковки, или каких-нибудь их блужданий по Москве (ей ещё не нравилось, что – до самого порога, как маленькую!), на причитания маман («Что ж вы убегаете, Виктор Витальевич? Ну, хотя б чаю-то!.. А, может, ночевать бы остались?») бодро отвечивал: «Спасибо, Аннета (такое слегка фамильярное обращение мог позволить себе только он), никак не могу. Дела, да и пёс заскучает. Поспешу-ка я к своим большевичкам на выселки!» И отправлялся на вокзал, на вечернюю электричку.

Лада при этом очень ему завидовала, она всегда мечтала прожить в доме хотя бы год, один год, но только – весь-весь подряд, без перерыва. Чтоб отследить буквально всё, полностью, не упуская ни единого из мельчайших мимолётных изменений по всем его четырём временам... Пережить тоску-печаль долгого листопада, надыхаться палой листвой и дымками костров, налюбоваться в долгие тёмные вечера таинственно горящими на улицах окошками: светом чаще всего жёлтым, но иной раз зелёным или синим, а то, как у них, – ярко-померанцевым... И чего все не любят осени, особенно поздней? Её, напротив, всегда завораживали такие дни, прямо предназначенные для повторенья любимого: *Опустели дачи, отсырели спички, на зрачок лиловый ходят электрички... Надеваю свитер, потому что ветер. Кто-то вереск ночью инеем отметил. Этим и ответил на мои вопросы – будут ли морозы просветлять откосы млечным снегопадом, веяньем отпуда, где ничто так рядом, как намёк на чудо...*

...И затяжные дожди, и снег первый, преходящий, и снег плотный, окончательный, со всеми подобающими сугробами, морозцами, изучением тончайших ледяных узоров на оконных стеклах... И умопомрачительный новогодний дух только что срезанных еловых лап в доме, и украшение елей живых, что за окнами, и то, как новенький свежий снежок медленно потом облепляет, скрывает эти нехитрые игрушки... А после – постепенное удлинение светового дня, капель, фантастические сталактиты сосулек, что так по-разному подсвечиваются солнцем в разное время дня... Первый стук дятла, проталины, медленное и долгое, с отступлениями, просыхание дорог, россыпь голубых подснежников (точней – пролесок, так называются эти цветочки) возле забора. Набухание почек, распускание почек, пробивание нежной шелковистой травки по обочинам, раскиданные повсюду канареечные слитки мать-и-мачехи... Наконец, наступленье пары сказочных недель, когда такие неприметные, незаметные, неинтересные весь оставшийся год деревья вдруг превращаются чисто в лебедей, покрываясь чем-то белым или розоватым, легчайшим, нежнейшим... Только всё это чудо начнёт сходить на нет – так и не успеешь опечалиться, а весь посёлок внезапно захвачен буйным разливом сирени, которое уж подлинно – никаким пером не описать...

Впрочем, перечисленное – приметы всеобщего, так сказать, достояния, а вот локальные особенности виталичева жилища... Например, странное любопытство белок, которых давно устал гонять пёс, надоели, – к старенькому, потёртому почтовому ящику при калитке. Как только его освобождают от корреспонденции, те так и норовят туда заглянуть, будто проверяют, не завалилась ли и им какая открыточка? А не менее странная тяга синиц залетать в открытую форточку (что нехорошо, плохая примета!) в строго определённый период осени, когда *бледен сад, леденеют качели, ни души, ни мяча, ни лото...* или, всё-таки, чуть раньше?.. А то, как в уже определённый период лета соседский чёрный кот с белой манишкой, невзирая на риск нарваться на собаку, зачастит к ним на участок дежурить у кротовых нор? Да разве перечить всё интересное!..

Но маман отпускала её к Виталичу нечасто; летом, правда, позволяла погостить подольше, но вид у неё всегда при этом был недовольный, а подтекстом шло: слишком много тебе уделяет внимания взрослый, занятой человек, а ты и рада этим пользоваться. Лучше б он побольше собой, своими делами занимался – мог бы ещё, между прочим, даже и жениться на ком-нибудь... (Уж эти матримониальные сюжеты, что для неё всегда в особом приоритете!)

...Так, ну вот и вы, дорогие: дачи старых большевиков. На самом-то деле, понятно, – дореволюционные дачи московских коммерсантов, преуспевающих адвокатов, модных врачей, профессуры, однажды реквизированные и отданные победителям, новым хозяевам новой жизни. Правда, кому-то из победивших революционеров, тем, на кого не хватило реквизированного, выделяли ещё и пустыри да перелески, расположенные дальше, восточней. Там они строились уже сами, осушая болотца, что-то корчюя, что-то подсаживая; проводили уличное освещение, добивались твёрдого покрытия дорог... В общем, творили всякое благоустройство – ничего не скажешь. Потом, ясное дело, почти все эти хозяева исчезли в недрах известного учреждения; с тех пор владельцы домов опять сменились, и лишь кое-где недвижимость чудом осталась за уже слегка состарившимися внуками тех колебателей мировых струн...

Ну почему у меня (привычно подумалось ей) всегда просто комок в горле от этих старых деревянных домов со всеми их ветхими балкончиками, трогательными башенками, мезонинами и террасками с цветными стёклами, от садовых этих беседок с решётчатыми оконцами, увенчанных шпилями – где с котом, где с петухом, а вон там и вовсе с чертёнком... Как, впрочем, и от любых строений с историей и лица не общим выраженьем, где б они только не встретились. Ибо сейчас на всё это идёт какой-то жуткий по разбойному своему цинизму накат; на сайты вроде «Москва, которой нет» заглядывать совсем непереносимо, просто физически тяжело, а уж в реальности наблюдать такое... Стоит только узнать, что уничтожено очередное здание, старинное и прекрасное, уничтожено ради возведения нового уroda, который исказит знакомую перспективу, – и настигает мгновенный приступ отчаянья, как бывает при известии, что замучили собаку или изнасиловали ребёнка...

Здесь-то как раз душа пока отдыхает, но чем дальше, тем душе этой становится тревожней, неудобней, ибо знает: сейчас, в самом конце улицы, не избежать лобовой встречи с одной ужасной непоправимостью. Вон те погоревшие развалины на углу, так до конца и не разобранные, не убранные – просто ножом по сердцу. Что ж это был за дом – любимейший с детства силуэт среди корабельных сосен! С одной своей стороны напоминавший, отсылавший к ним же, – корабль, с другой – высоким своим щипцом – к викторианской готике, а сбоку – на одном из скатов крыши – вообще увенчанный коньком, как северные избы... Волнообразный фасад, окна разной величины и формы... Асимметрия, эклектика, бог знает что – а какая гармония в целом! Московский модерн, пояснял Виталич, наглядно демонстрировав ей на таком замечательном примере всевозможные архитектурные понятия: ротонда, ризалит, эркер, полуколонна... Фронтон, венец, портал, капитель... И где оно всё теперь?

Теперь – обугленные балки, ржавые банки, битое стекло и трава по пояс. Ободранный бродячий пёс, рассеянно обнюхивающий обёртку от мороженого, вдруг страдальчески извернулся, яростно пытаясь загрызть блоху на своём бедре... Бездомное существо на фоне пепелища – что может быть депрессивней, подумала она, огибая развалины прежнего чуда.

Возведено это чудо было на рубеже веков по проекту молодого, рано умершего архитектора (фамилия вечно забывается), и использовалось, как утверждают краеведы, в качестве частной лечебницы для душевнобольных. За кованой оградой тогда красовались клумбы, декоративный кустарник, фонтан и стилизованные скамейки. Хоть в чём-то повезло несчастным умалишённым – существовать среди такого изысканного благообразия! И уход за ними, надо полагать, был человеческим, родственники могли не беспокоиться...

Неизвестно, куда их подевали в двадцатых годах; дом же превратили в коммуналку со всеми вытекающими. Однако он всё равно сохранился, даже утратив скамейки с клумбами и оградой, даже с уже напрочь засорившимся фонтаном... Поблекший, обросший какими-то гнилыми сараюшками, вечно опутанный верёвками с жалким бельём и старыми половичками, всё равно упорно продолжал быть самым интересным, выразительнейшим на всю округу строением.

Потом, когда коммуналку наконец расселили, дому даже удалось выбить статус охраняемого государством. Лет пятнадцать стоял заброшенный, власти всё обещали отреставрировать и отдать то ли под детскую школу искусств, то ли даже под краеведческий музей... ага, сейчас. Как только началось-таки шевеление по этому поводу – поджог был совершён внаглую, почти открыто. Кто заказчик – станет ясно, когда увидим, что воздвигнется на месте сём... Вот же безнадёга – хоть завой!

Миновав эти останки, Лада свернула в переулок, туда, где в самом начале притулилась скромная одноэтажная дачка, выкрашенная в некогда бирюзовый цвет. Никто тут до лета явно не появится; по темнеющим стёклам терраски беспомощно болтаются высохшие плети прошлогоднего хмеля, на участке после сошедшего снега – унылый слой перегнившей неубранной листвы, но самое главное – ура! – на месте: светло-серый, в потёках, силуэт гипсовой лошади посреди лужайки. Когда-то, очень давно, живший тут скульптор, имел где-то там, на задах, целую мастерскую, а некоторые свои изделия расставлял прямо в саду. Продав дачу, он вроде бы вывез всё, кроме этой лошади. Удивительно, что скульптура до сих пор цела, хотя, кажется, совсем уже вросла в землю мордой – коей, по замыслу, щиплет траву. В детстве, когда она проезжала мимо на велике, так мечталось пересесть на эту лошадь, забраться на неё, как на живую! Забраться так и не получилось, а вот потрогать, похлопать по холке довелось – тогда, когда ей, Ладе, исполнилось пятнадцать. Они с Виталичем вдруг стали сюда вхожи, потому что дачу сняло на лето семейство его сослуживца. Тот был значительно моложе, что не мешало им с Виталичем приятельствовать: шахматки, обсуждение своих профессиональных картографическо-геодезических заморочек и конечно, политических слухов. Семейство было аж четырёхпоколенным, причём старшей бабке-прабабке недавно исполнилось ровно сто два года от роду.

Старуха эта, высохшая как мумия и всё равно достаточно рослая и прямая, самостоятельно гуляла туда-сюда по переулку, опираясь на трость с набалдашником. На почтительные приветствия она молча наклоняла подбородок и снова гордо его вскидывала, продолжая важно брести дальше. Лада была уверена, что это реликтовое создание, чудом сохранившее зрение и поступь, взамен давно не слышит и вообще мало чего осознаёт, куда однажды не произошло следующее. Как-то ни с Виталичем оказались на терраске, где только что закончилось семейное чаепитие; им, несмотря на протесты, вдогонку несли кружки, пододвигали баранки и тарелки с остатками варенья... Старуха восседала в плетёном кресле, обратив индифферентный взгляд на бормотающий в углу телевизор. На экране показался Горбачёв, от которого тогда ещё не успели устать; все разом прислушались, кто-то прибавил звук. А после того, как генсек исчез из кадра, неожиданно раздался негромкий, но отчётливый голос гарпии, проскрипевший (от изумления Лада запомнила это наизусть): «Тернист путь Керенского, зато автомобиль его усыпан розами...» Никто особо не удивился, лишь старухина дочь – пожилая подтянутая дама лет семидесяти – заботливо сказала: «Мамочка, вам, наверно, пора прилечь отдохнуть!..»

Тогда она, Лада, разумеется, совсем не поняла смысла сего диковинного комментария, и на обратном пути спросила у Виталича – старуха того, да?.. Марианна Леонидовна, строго ответил Виталич, – уникам, поскольку находится в трезвом уме и твёрдой памяти. Она, между прочим, – племянница крупного сахарозаводчика, и чего только на своём веку не повидала; так что – знает, о чём говорит. И добавил задумчиво: неизвестно, действительно, чем ещё всё закончится... Виталич так и не узнал, чем всё закончилось – на этой земле он проживал своё последнее лето.

...Она вышла к небольшому продолговатому пруду; с одной его стороны протянулась аллея с редкими скамейками, где летом всегда любят прогуливаться и даже загорать у воды (купаться, увы, нельзя – купаться ездят на ближайшее водохранилище) дачники, чего никогда не придёт в голову местным жителям. И пруд, и аллея тут в более или менее приличном состоянии – ибо дальше, на возвышении, стоит скромный особнячок поселкового совета (или как

он теперь именуется – управа, мэрия? – лень подходить и читать табличку) с зарешеченными окнами и поникшим триколором над входом.

Неподалёку даже новенькую детскую площадку соорудили – сейчас пустующую. Летом, наверно, можно будет водить сюда Терентия. (Нет, возить – ходить пока далековато.) На противоположной стороне, над водой, раньше виднелась сомнительная летняя кафешка чуть ли не из фанеры, обычно заколоченная зимой. Теперь вроде бы какой-то приезжий армянин перестроил её и круглый год держит ресторанчик – говорят, даже якобы и неплохой; в окнах, во всяком случае, сейчас уютно горят малиновые фонарики, а у входа припаркована пара джипов...

Так, оставляем пруд позади, а идём туда, где виднеется поселковый Дом культуры – тоже старосоветского вида (на фронтоне – звёздочка и дата: 1956), обветшалый, милый. Во времена детства в кинозале дачники и местные толпой сходились на комедии Гайдая, индийские драмы, фильмы стран народной демократии. И библиотека в нём была неплохая, со взрослым и детским отделениями; мы были там записаны. Вспоминать любимые книжки не станем, иначе ностальгическая волна с ног сойдёт, с головой затопит... Неужели Терентий, как всё их новое поколение, будет лишён того безграничного счастья, пробавляясь лишь фильмами да дурацкими компьютерными стрелялками? Допустить такого нельзя категорически, однако – легко сказать...

Ещё тут были разные кружки, и одно лето она даже училась выжигать по дереву. Возле входа тогда была большущая, густо засаженная, приторно цветущая клумба: львиный зев, душистый табак, флоксы; а вокруг ещё вазоны с ярчайшими настурциями! И лавочки под кустами сирени. Ныне – увы, ни вазонов, ни лавочек, ни кружков. Клумба вечно затоптана, сирень совсем одичала. ДК фактически прекратил существование; библиотека на втором этаже, к счастью, осталась, вывеска, вроде, на месте, но остальные помещения сданы в аренду под мелкие лавочки и мастерские, чья пёстрая неряшливая реклама облепляет стены и дверь.

Дверь взвизгнула пружиной; из здания вышла непрезентабельного вида тётка с большим букетом голландских роз в целлофановой упаковке и, скользнув подозрительным взглядом по ней, единственной встречной, пошла своей дорогой. Раньше, конечно, и мечтать было нечего о таком роскошестве, как розы в это время года, тут не поспоришь. Жизнь меняется – а в лучшую ли, худшую сторону... однозначного ответа не существует.

Дойдя до следующего перекрёстка, Лада углубилась в боковую улочку, почти полностью состоящую из пустующих дач. Невероятная тут тишина, лишь изредка каркнет ворона и вновь замолкнет. Не слышны даже электрички. В таких местах в такое время – немного не по себе: невольно начинает казаться, что в каждом из домов кто-то затаился, подглядывает за одинокой прохожей: из-за ворот, в щёлку неплотно закрытых ставень, в круглое чердачное оконце... Ерунда, на самом деле. Никого там сейчас нет. А что есть, так разные старые вещи вроде помутневших зеркал в резных деревянных рамах, плюшевых скатертей с бахромой, медных тазов для варенья, ветхих кресел, вытертых настенных ковриков с их вечными оленями и охотниками... И ещё разномастные пожелтевшие книги в изъеденных жучком шкафах. А главное, самое приятательное – это нестандартная планировка со всякими полуэтажами, неожиданными переходами, галереями, внутренними лесенками, укромными нишами, тайными комнатками...

Так и всплывают давние, совершенно детские мечты: вот бы обернуться невидимкой и исследовать изнутри все эти загадочные жилища, от подвалов до чердаков, обозреть примыкающие сады и улицы изо всех окон, с разных ракурсов, пролистать все книги и перемерять все шляпы, какие встретятся на пути... Наверняка обнаружится что-то особенное: ручная кофемолка, ступка для специй, фарфоровый умывальный кувшин в незабудках и, конечно, весь в сколах и трещинах, – подлинный... А может быть, и вовсе – удивительная какая картина, шкатулка, гобелен, канделябр...

Иногда ей снятся подобные экскурсии, и это самые лучшие из снов, каковые, вообще, посещают. Недавно в Интернете попало какое-то научное исследование о расхожих сюжетах

человеческих сновидений: по нему выходит, будто бы эротика, кошмары и бессмысленная, выматывающая суета – вот то, что чаще всего дано видеть гражданам по ночам. Эротика, хе-хе, во сне ей является крайне редко и не шибко впечатляюще (вялый, видать, темперамент), кошмары – слава те господи, практически не навещают, а вот бессмысленная суета, когда ты то ли что-то теряешь и напрасно разыскиваешь, то ли куда-то опаздываешь, попутно натыкаясь на разные препятствия, то кого-то тщетно пытаешься догнать – это да, это частенько...

Но зато – случаются изредка и благодатные видения, что содержат удивительные подчас сюжеты. Когда, допустим, вроде бредёшь по дворам на задах родного проспекта, дворам, знакомым почти до каждого куста и помойного контейнера, как вдруг в одном из этих дворов обнаруживаешь большую карусель немислимо сложной и красивой конструкции, которая никого вокруг не удивляет, будто была тут всегда; или же – плавно оказываешься где-то тут, среди большевистских дач, и видишь, как на балконах хозяева пьют чай из самоваров, словно на оживших полотнах не то Машкова, не то Кустодиева, и не кажется особо странным, что ты вдруг попала в какой-нибудь 1928-й или, допустим, 32-й год – наоборот, нормальным... А однажды и вовсе посетил навсегда памятный короткий сон, как будто заходишь в тёмную кладовку в своей московской квартире, чего-то ища, откидываешь занавеску, раздвигаешь зимнюю одежду на плечиках, которой тесно увешан этот угол и... – вместо глухой стены почему-то видишь сквозную решётчатую оградку, низкую, увитую полудикой вьющейся розой, за которой расстилается ровное поле, и вдали бродит лошадь, живая, в отличие от того гипсового муляжа, бесконечно прекрасная в своём простом бронзово-гнедом окрасе... И это всё, конец ролика; но а чего тут добавить? Знать бы, к чему, почему вдруг навещают такие незабываемые микросюжеты.

...О, да что же это: снег? – изумилась Лада, встрепенувшись от воспоминаний и разглядев редкие, крупные, будто махровые снежинки. До чего цепкая зима в этом году, смиряться никак не желает! Что ж теперь станет с набухшими почками? А с грядой, которую взрыхлила сегодня?

Улочка закончилась, и она вышла на следующую, широкую и длинную, где за двойным рядом домов уже тянулась трасса, издавая свой негромкий, неумолчный, почти круглосуточный гул. Эта улица продолжала гордо носить имя Энгельса; её надо было пройти до конца, чтобы упереться в перпендикуляр Серафимовичевской.

Снег усиливался – теперь валили настоящие хлопья; Лада на ходу накинула капюшон и засунула руки в карманы. Сколько ж, однако, новых, больших и каменных вилл тут построили всего за несколько лет! Даже заборы не в силах скрыть всю эту помпу... С одной стороны, конечно, радуется, что вороватые чиновники и бизнесмены застолбили поселковую землю от строительной мафии, что норовит сейчас влезть в каждую щель, дабы воткнуть туда свои уродские вертикали многоквартирных ульев. Зато и сами-то – сколько душевных домиков тут поносили, сколько сосен, елей, плодовых садов повырубали!.. Скверно, всё-таки, жить в эпоху глобальных перемен.

На противоположной стороне, у новенькой, с иголочки, металлической ограды остановилась новенькая, с иголочки, субару. Из машины выпрыгнули дети – расцветки их комбинезонов полыхнули изумрудно и васильково среди белых вихрей; следом – молодая подтянутая мать, а может, и нянька, в элегантном чёрном пальтишке, вышла отпереть им калитку, затем не спеша возвратилась, чтобы загнать машину. Через распахнувшиеся ворота на миг показались стеклянные окна-стены прямоугольного двухэтажного особняка и ведущая к нему ровнёхонькая дорожка с двумя декоративными ёлочками по бокам. Чрезвычайно аккуратно, функционально и по-своему стильно. Такую бытовую сценку у такого же дома можно один в один увидеть где-нибудь под Роттердамом или Стокгольмом, Братиславой или Оттавой... Ничего плохого, кроме ощущения полной индифферентности к конкретному месту. Хозяева наверняка ежедневно ездят на работу в Москву, возят туда детей на учёбу; и секции, и бассейн, и поликлиника у них тоже там, а отпуск они все проводят в европах, на крайняк в какой-нибудь

Хургаде либо Анталии. Что им посёлок с его большевистскими дачами, храмом, прудом, железнодорожной станцией (они там, поди, и не бывают), что – легенды, старожилы, не случайные названия улиц? Так, комфортабельное спальное место, куда можно раз или два в году пригласить к себе на барбекю (бар-бе-кю, не ваш вульгарный шашлык!) нужных людей, вот и всё. Такое же, наверное, как и для всех прочих понастроившихся. Подобных случайных поселенцев ныне везде навалом; разве не из них состоит добрая половина столицы?..

Улица Энгельса уткнулась, наконец, в Серафимовичевскую. Изрядный, однако, крюк сделан за час времени, с удовлетворением отметила она. Хотя и задет посёлок чисто по касательной, почти без углублений. Сейчас свернём направо, и вскоре будем дома. А если – влево, то в двух шагах покажется она, трасса. Та самая, где тридцать лет назад погиб её двадцатилетний отец. Которого она, разумеется, практически не помнит...

То было раннее утро – тёмное, холодное, мартовское; почему-то не пошли электрички, а прилежный студент, он же юный муж и отец, переночевавший дома у родителей, упорно стремился успеть на лекцию. Машина сбила его на самом перекрёстке, из чего получалось, что он поспешил на шоссе, дабы попасть на рейсовый автобус или просто проголосовать... Учёба – это святое.

Через несколько минут пути, уже у поворота на родную Полежаевскую, Лада увидела сквозь падающий снег юношескую фигуру, бодро шагавшую навстречу. На пустой улице это вдруг показалось столь неожиданным, что она даже вздрогнула: стоило только представить что-то подобное мысленным взором, как...

– Лада? Здравствуйте! – услышала она.

– Ох, это вы, Савва? Добрый день. С поезда?

– Точно! Погодка, да? А вы какими судьбами?

– Да вот, прогулялась по родным местам.

– Можно, я вас провожу?.. А где же Терентий?

– Он дома, с няней. А Юля ещё на занятиях.

Поскольку идти было всего ничего, они двинулись нарочито медленно.

– Значит, гуляли? – спросил он. – Я тоже иногда выбираюсь. Пару раз даже заблудился!

У меня нет карты посёлка, а он не такой уж маленький, как выясняется.

– Совсем не маленький, – подтвердила Лада. – И есть очень интересные дома.

– Ваш дом тоже интересный!

(Они уже подошли к калитке.)

– Наш дом хорош, – серьёзно ответила Лада, – но, строго говоря, простоват. Я, вообще-то, люблю строения позамысловатей, с разным декором. Чтоб было, чего порассматривать... Тут ещё много таких осталось, несмотря ни на что!

– Хоть бы как-нибудь показали мне их, а? – осмелился попросить Савва. – Летом, например. Вы ведь, должно быть, будете тут жить, или бывать часто?..

– Летом всё будет в «зелёнке», как говорят люди военные. Плохо просматриваться. Но всё равно, конечно, гулять стоит.

– Ловлю на слове!

– А я, Савва, – вдруг сказала она, – видела вашу подборку в «Арионе».

Савва так изумился, что не сразу смог ответить.

– А как вы догадались, что это моя?..

– Но я же запомнила, что вы – не Савва, а Ксаверий! Увидав «Ксаверий Кононов» – сразу поняла, кто это. Слишком редкое имя, да ещё это стихотворение про бессарабский зной!.. Не совпадение же?

– Не совпадение, – пробормотал он и добавил: – Честно говоря, поражён: есть ещё люди, которые читают поэтические журналы!.. А я ведь даже не в курсе – кто вы, Лада? Ну, по образованию, профессии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.